Инстинкт мести
Надежда Черкасова

Сердце пополам. Детективные романы Н. Черкасовой

Надежда Черкасова

Инстинкт мести

«Эксмо»
2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Черкасова Н. А.

Инстинкт мести / Н. А. Черкасова — «Эксмо», 2019 — (Сердце пополам. Детективные романы Н. Черкасовой)

ISBN 978-5-04-101893-1

У Аси страшное горе: убит отец. Чтобы вывести девушку из депрессии, старый друг семьи приглашает ее на работу в свою газету. Асе предстоит вести журналистские расследования и готовить острые разоблачительные материалы. Что ж, это совпадает с ее интересами, ведь она намерена во что бы то ни стало найти и наказать убийцу отца. Правда, для этого Асе придется разочароваться в одних людях и влюбиться в других, заменить розовые очки темными и разобраться наконец, где у пистолета спусковой крючок и как снять его с предохранителя...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-101893-1

© Черкасова Н. А., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 14
Глава 3 20
Глава 4 27
Глава 5 33
Глава 6 40
Конец ознакомительного фрагмента. 46

Надежда Черкасова
Инстинкт мести

На старости лет обнаруживаешь, что месть – все-таки самый надежный вид правосудия.
Анри Бек

Глава 1

Зацепин подъехал к добротной, украшенной лепным декором сталинке с высоким бельэтажем, – нестареющей классике, давно превратившейся в бренд, но упорно не желающей сдаваться и уверенно держащей форс. Нырнув под арку, внедорожник оказался в уютном московском дворике, на редкость тихом и спокойном для центра огромного мегаполиса.

Нехотя спихнув с мягкого сиденья грузноватое тело, счастливейший из смертных залюбовался своей новой игрушкой: стильный элегантный «Мерседес-Бенц» цвета «белый бриллиант» сверкал на солнце отлакированными боками, радуя глаз, вызывая чувство гордости и превосходства, а также авансом присваивая владельцу неотразимый имидж хозяина жизни.

Разглядывая себя в глянцевой дверце автомобиля, словно в зеркале, Зацепин поправил все еще густую шевелюру – предмет гордости, несмотря на упорные слухи о чрезвычайной мужественности и сверхсексуальности лысеющих мужчин, – и одернул полы дорогого пиджака. Настроение чудесное, самооценка на должной высоте, а его автомобиль лучше и красивее, чем у других мужиков. Поэтому у Зацепина больше шансов на победу.

В завоевании женщин, что ли? А с чем еще можно сравнить любовь мужчины к железному коню? Разве что только с любовью к женщине. Да и в стрессовых ситуациях его ничем не заменить. Не идти же к психологу, а тем паче к психоаналитику, в самом-то деле! Надо просто сесть за руль и уехать от любых проблем куда глаза глядят.

Что это с ним? Он рассуждает как пацан. А ведь ему уже далеко за сорок. Ну и что? Молоденькие женщины как вешались ему на шею, так и вешаются. Но Зацепин прекрасно понимает, что из женитьбы на одной из них ничего путного в конечном счете не получится. Потому что его жажда любви так и останется неутоленной – речь идет о настоящем чувстве, которое не купишь ни за какие деньги, – страсти суждено будет заглохнуть от осознания того, что юные и душой и телом всегда тянутся к сверстникам.

Это, в сущности, вполне естественно и соответствует законам природы. К тому же он уже дважды вступал в бурную реку семейных отношений, но полюбить своих жен так и не удосужился. Потому что всю жизнь страдал об одной-единственной, которая была занята.

Вот потому-то у вьющихся вокруг него молоденьких дамочек шансов никаких. Они нужны ему разве что для спортивного интереса, в угоду разрекламированной моде на молодость, которая на поверку оказывается бездуховной и весьма падкой на денежные знаки. А также чтобы поддержать форму, не дать упругому мускулистому телу превратиться в скопище жира, постоянных депрессий, стрессов, фобий и страхов, которые всегда держатся вместе, делая недвусмысленные намеки на возраст и все такое прочее, с чем Зацепин соглашаться не торопится.

Нет, так запросто он не сдастся. Тем более теперь, когда его ждет счастливая семейная жизнь с любовью всей его жизни. Да, он прекрасно понимает, что быть молодым можно только в двадцать восемь, ощущать себя молодым – в тридцать пять или даже в сорок, а уже после сорока пяти – если, конечно, хорошо поднапрячься – остается только казаться молодым.

Сначала секрет долгожительства искали лишь во внешней среде, но потом наконец поняли, что главные причины старения кроются внутри, в самом человеке. И чем больше любви в его душе, тем он добросердечнее, тем больше готов к любым изменениям, а потому и жить ему дольше остальных. Теперь Зацепин открыт для окружающего мира, для счастья, о котором так долго мечтал.

Отныне он отказывается играть второстепенные роли, такие как двоюродного брата мужа любимой женщины или, на худой конец, лучшего друга – стабильного, всегда готового прийти на помощь и разрывающегося между долгом и собственными желаниями любить и быть люби-

мым. Целых двадцать восемь лет он ждал своего часа. И вот его час наконец настал. Теперь можно предъявить счет судьбе и потребовать то, что принадлежит ему по праву.

А если Зацепин ошибся? Не слишком ли долго он ждал? Может, потому так страстно и желал получить Маргариту, что та была недоступна? А если все эти годы – лишь время, съеденное завистью?

Нет, не может быть! Потому что теперь он и в самом деле по-настоящему счастлив. Сейчас даже самому себе не надо врать, как же хорошо ему на свете жить. Оттого что она свободна. И Зацепин пойдет на все, чтобы сделать любимую счастливой. Он уже преступил черту, за которую прежде и заглядывать-то боялся, дошел до своей персональной точки невозврата, поэтому должен идти только вперед, потому что даже оглянуться для него – равносильно смерти.

Зацепин вытащил из багажника огромный букет белых роз, пакеты с продуктами, поиграл с пультом, замыкая машину и слушая приятные сердцу звуки, направился к подъезду. Привыкший ездить на лифте, с трудом поднялся на пятый этаж.

У Антона, как ни у кого, была возможность купить любую новомодную роскошную квартиру в центре столицы, но о том, чтобы предать дом, в котором прошли его детство и юность, дом, где поселилось семейное счастье с единственной любовью всей его жизни, и речи не могло быть. Даже в недавно построенный особняк в Барвихе он наведывался редко, впрочем, как и его семья, которая так и толклась в этой старой квартире, словно не решаясь покидать обитель радости, оплот веры, надежды и любви. Вот только никакие символы Антону не помогли.

Зацепин постоял возле высокой массивной двери, чтобы немного отдышаться и дать себе время принять соответствующее случаю трагическое выражение лица, затем ткнул пальцем в кнопку звонка. Дверь немедленно отворилась, и на пороге застыла в немом ожидании женщина, за которую он готов был бороться до конца своей жизни. Но борьба закончилась, и теперь только он один имеет на нее право.

Вот она – та, которую он всегда любил, любит и будет любить вечно: стройная, нежная, импульсивная и страстная, с бездонной синевой мерцающих глаз и русыми до плеч волосами с заметной уже проседью. Перед такими робеют мужики, опасаясь все понимающего и чуть ироничного взгляда, а потому и выбирают молоденьких и глупых, чтобы не упасть хотя бы в собственных глазах и сильно не ушибиться.

Теперь она немного сдала и побледнела лицом, но стала более трогательной и совсем беззащитной. Ее хочется взять на руки, прижать к груди и уже никогда от себя не отпускать. Нежность захлестнула Зацепина волной, и он даже дышать перестал, не в силах оторвать от Маргариты восторженного взора.

– Это тебе. – Он протянул букет. – Поздравляю с днем рождения!

– Ах да!.. День рождения… – Она растерянно смотрела на цветы. – Я совсем забыла. Ты проходи. – Маргарита сделала шаг назад, пропуская Зацепина, и только после того, как тот переступил порог, приняла цветы.

И снова условности, которые еще никого и никогда не спасали. Но вера в них неискоренима, как неистребимо убеждение в существовании чуда, которое может все-таки однажды случиться. Значит, она тоже не перестала ждать чего-то хорошего от жизни. И именно он сотворит для нее все возможное и невозможное, одарит счастьем, которого ей в жизни недодали. Нет, она не разочаруется. Потому что, как никто другой, достойна всего самого лучшего.

– Спасибо! Не стоило беспокоиться.

– Вот тут еще продукты. Не сидеть же вам в день рождения голодными.

Маргарита направилась в кухню. Зацепин запер дверь на ключ и с пакетами поплелся следом. Его сердце билось так громко, словно пыталось выдать тайну тайн, о которой она прекрасно знала, но раскрывать также не торопилась.

– Хорошо, что ты приехал. Я уже хотела звонить и просить тебя переговорить с Асей. Она сама не своя. Никак не может прийти в себя. Да и понятно: два месяца всего прошло

с похорон. Она из дома почти не выходила за это время. Только один раз съездила в офис, оформила отпуск. А через месяц попыталась выйти на работу, но не смогла. Попросила без содержания – не дали. Вот и уволилась. Я боюсь за нее. Меня она не слушает. Может, тебе удастся как-то повлиять?.. А с другой стороны, Асю тоже можно понять. Даже не знаю, что делать. Пока Антон был жив, мне все было ясно. А как его не стало, я как будто себя потеряла и никак не могу отыскать.

– Хорошо. Я поговорю. Она у себя? Ты пока накрывай на стол, а я схожу за ней.

– Ты только поаккуратнее. Асенька сейчас как оголенный провод.

Зацепин прошел по просторному длинному коридору с высокими, под потолок, застекленными книжными шкафами, мимо зала с настежь распахнутыми дверьми, открытого кабинета, также забитого книгами, остановился возле комнаты Аси и в нерешительности потоптался. В этой огромной квартире чужой мог и заблудиться, но не Зацепин, который приходил сюда с малолетства. Сколько же лет прошло, а почти все как прежде. Почти. Потому что нет Антона, решительного и активного, но в то же время осторожного и осмотрительного. Словно в нем жили два человека. Теперь их нет обоих.

Он постучал, но не получил ответа, приоткрыл дверь и заглянул в комнату. Ася лежала на кровати, вперившись в высоченный потолок и словно разглядывая замысловатый рисунок позолоченной лепнины. Веером расположившиеся на подушке русые до плеч волосы показались Зацепину похожими на крылья парящей птицы. Осунувшееся мрачное лицо, покрасневшие глаза – все как обычно за последние два месяца.

– Привет, Оса! К тебе можно?

– Привет, Следопыт! Заходи.

Так прозвал их Антон: Асю – за языкастость, Зацепина – после принятия должности редактора независимой частной газеты «Следопыт», издания общественно-политической направленности с острыми и смелыми материалами на самые злободневные темы. Ася с удовольствием присоединилась к отцу и уже по-другому крестного не называла, так как тот представлялся ей героем, прямо как в романах Фенимора Купера, которыми она зачитывалась в детстве.

Зацепин вошел и прикрыл дверь. Он сел недалеко от кровати в старинное широкое уютное кресло и задумчиво разглядывал крестницу. Ася повернулась на бок и уставилась на Зацепина. Лицо обиженное, как у ребенка, глаза ввалились, и такая тоска во взгляде, что появляется желание погладить ее по головке и успокоить.

Но он не станет этого делать. Попытался однажды и чуть не утонул в потоке слез. Как же она, должно быть, устала от одиночества, что даже Зацепин представляет для нее какой-то интерес. Раньше от компьютера было не оторвать, а теперь, видимо, поняла, что ей без живого человеческого общения не выжить. Наконец-то осознала, что невозможно найти ответы и решения своих проблем в Интернете.

Прогресс в виде Интернета прет, как асфальтовый каток, подминая под себя молодые умы и души, впихивая в них негативную и агрессивную информацию, а также вынуждая терять навыки человеческого общения. И если у поколения Зацепина сохранилась хоть какая-то внутренняя защита, то молодые лишены этого иммунитета и принимают всю вываливающуюся на них информацию за чистую монету.

Как же она сейчас похожа на мать: от подвижности и жизнерадостности у обеих и следа не осталось, их безукоризненная логика неспособна осознать происшедшее. Погасли без Антона, словно свечки.

Смотрит на него синими, как у матери, глазищами и надеется, что он сможет ответить на мучающие ее вопросы, разрешить неразрешимые проблемы. Что же она хочет от него услышать – слова утешений? Но попытка как-то поговорить с ней об отце ему не удалась, так как Ася тут же начала плакать, поэтому беседы по душам не получилось. Что ждет его на этот раз?

– Как поживаешь?

– Никак. От меня одна оболочка осталась. Лежу вот, сил набираюсь.

– Зачем тебе столько сил? Два месяца уже лежишь.

– Очень нужны. Для мести.

– И кому ты собралась мстить?

– Тому, кто разрушил мое счастливое семейное осиное гнездо. Жила раньше в нем, никого не трогала. А кто-то пришел и разворошил.

– Кто? – Зацепин заерзал в кресле, которое вдруг показалось ему не таким уж и удобным. – Ты имеешь в виду кого-то конкретного?

– Конечно. Убийцу моего отца. А кто он – мне еще предстоит выяснить.

– И что ты сделаешь, когда узнаешь?

– Убью его. А потом… – Ася замолчала, пытаясь сдержать слезы.

– Потом – что?

– Убью его еще раз.

– Но ты и сама можешь погибнуть.

– Какая разница! Осы жалят даже мертвыми.

– Не хочешь меня взять в помощники?

– А ты пойдешь? Конечно, хочу! Мне нужны помощники. Даже очень.

– Пойду, куда ж я денусь! Особенно теперь, когда Трунова, подозреваемого в убийстве Антона, освободили по постановлению следователя, так как подозрения в его причастности к убийству не подтвердились. Предварительное следствие также приостановлено. В связи с тем, что лицо, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого, не установлено.

Ася села на кровати, спустив ноги на пол. Она ошеломленно взирала на Зацепина и отказывалась верить услышанному.

– Но разве такое может быть?! Разве они не должны искать убийцу до тех пор, пока не найдут?

– На свете может быть даже такое, что тебе никогда и в голову не придет. А то, что они сделали, законно. И ни обсуждению, ни возражению не подлежит.

– Даже нельзя жалобу на них подать?

– Кому – им же самим? У них одна система, и своих она в обиду не дает.

– Тогда что же делать?

– Жить дальше.

– А если жизнь теперь превратилась в сплошную боль? И усмирить ее может только месть?.. Знаешь, был когда-то такой французский драматург, Анри Бек. Ему в жизни приходилось часто разочаровываться. Так вот он лишь к старости понял, что самый надежный вид правосудия – месть. Я это осознала гораздо раньше.

– Ты даже не допускаешь, что твой Анри Бек ошибался?

– Терпеть не могу, когда отвечают вопросом на вопрос.

– Я знаю только одно: хочешь мстить – вырой две могилы. Это сказал Конфуций, и я с ним согласен.

– Они давно вырыты. Обе. Стоят готовенькие, ждут постояльцев.

– Оса, ты играешь с огнем. А от него, как известно, одни головешки остаются. Не хочешь же ты превратить свою жизнь в головешку?

– Нет, не хочу. Поэтому я изо всех сил буду стараться уцелеть. Но если не получится, что ж… чему быть, того не миновать.

– Ты рассуждаешь как камикадзе.

«Как бы у нее совсем крышу не сорвало, – невольно подумал Зацепин. – Жалко, конечно, девочку. Если бы не просьба Маргариты…»

– Мать сказала, что ты бросила работу.

– Не бросила, а ушла по собственному желанию. Потому что думаю не о цифрах, а об отце. На работу я устроюсь, но на другую. Где нет цифр и много людей. Например, пойду торговать на рынке.

– Это с твоими-то двумя высшими образованиями – экономическим и юридическим? Нет, не справишься. Там совсем другие знания нужны. Рынок – это игра, и один из игроков – покупатель или продавец – обязательно должен остаться в дураках. В основном, конечно, становится дураком наивный и доверчивый покупатель, которому трудно устоять против целой системы, живущей и процветающей на обмане. Каждый выживает как может.

– Тогда пойду в маляры. Работа хорошая, физическая. Буду так уставать, что на безысходные мысли, которые из меня душу тянут, сил уже не останется. А в просветах между отдыхом и работой продолжу думать, как отомстить за отца.

«Ее никак нельзя упускать из виду, иначе таких дров наломает, что никому мало не покажется, – думал Зацепин. – Придется Осу взять к себе. Все-таки под присмотром».

– Ко мне в газету пойдешь? У меня как раз место корреспондента освободилось.

Зацепин не стал вдаваться в подробности о прежнем сотруднике, который работал у него под прикрытием, скрываясь за псевдонимом «Антон Правдин», и мог бы с успехом и дальше продолжать расследования скандальных историй, если бы… Хотя нет, не мог. Потому что заранее готовился, как овца, на заклание. Рано или поздно. Жаль, а у него были все шансы продержаться подольше или, по крайней мере, выйти сухим из воды… Ну почему Зацепин снова себе врет!

Нет, не было у него ни единого шанса! Не каждый слишком много знающий счастливчик доживает до старости, потому как язык наш – тот еще троянский конь, которого мы в себе приютили, – так и норовит подставить, выболтнуть лишнее и подыграть врагам. Потому и пришлось лучшего журналиста сдать Хозяину, на которого лапу поднял, как самый последний пес, почувствовавший вседозволенность. Жаль, конечно, так как лучшего журналиста для себя можно выучить только самому.

– У тебя и образование подходящее, и в жизни кое-чего повидала. Сколько тебе – двадцать семь? Прекрасный возраст. Еще совсем молодая, а опыта жизненного уже набралась.

– И чем я должна заниматься?

– Мы предоставляем информацию, необходимую для того, чтобы читатели нашей газеты могли определить свою позицию в общественно важных вопросах.

– Это в каких же? В жизни скандальных звезд, что ли? Или в «загадочных» явлениях, «успешно» разгадываемых колдунами и магами? А может, в криминальных историях, так и оставшихся тайнами? Как, например, с моим отцом. Нет уж! Негативной информации, которая приводит всех лишь к моральному и психическому опустошению, и без меня хватает. Такое ощущение, что у наименьшей части общества и их игрушек своя жизнь, а большинству, к которому я отношу себя, приходится жить в мире беспросветного насилия. Что это, как не манипулирование общественным сознанием?

«Неужели я поторопился предложить ей работу? Мой прежний отважный журналист начинал гораздо скромнее, без этаких категоричных высказываний. Это потом у него появились мысли о спасении человечества от угрозы тотальной дебилизации и прочей неизбежности. Ася же еще и работать не начала, а уже мнением своим персональным размахивает, как национальным флагом. А может, это и хорошо? Зато и задания будет выполнять рьяно и добросовестно. Сейчас она пока еще сырой материал, но если взяться за ее обучение…»

– Одна «чернуха», бездоказательная «обвинуха», «развлекуха» и что там еще… ах да, «поруха». Ты не думай, я говорю не конкретно о твоей газете, а вообще о СМИ. Это и радио, и телевидение. Надоело! А ведь все они, и газеты в частности, должны помогать задумываться о вопросах бытия, искать ответы на самые насущные вопросы, которые людей тревожат.

– Очень правильное замечание. Тебе и карты в руки. Будешь заниматься журналистскими расследованиями. Это что-то вроде частного сыщика от газеты.

– Почему я? И потом, разве что-то может зависеть от меня? Нет, от меня ничего не зависит.

– Абсолютно дьявольская аксиома: от меня ничего не зависит. Зависит, дорогая моя. От каждого человека зависит очень многое.

– Ну не знаю. Уж кем я никогда не хотела быть, так это журналистом. Всегда относилась к ним, как… Извини, я не тебя имела в виду.

– Да нет, ничего, продолжай. Даже интересно послушать глас одной из представительниц народа.

– А что, разве не так? Все продается и покупается. За деньги клянутся в любви, а за очень большие – ненавидят и унижают. На одних пишут хвалебные оды, других – тоже за деньги, между прочим, – обходят молчанием. Да, ущемлять свободу слова нельзя. А значит, торговать ею не воспрещается? Вот только проститутка не пытается учить меня ни жизни, ни нравственности, ни морали.

– Что ж, ничего нового я от тебя не услышал. Но ты не права. Журналистика скорее похожа на содержанку, которая предпочитает постоянного хозяина. Пресса, несомненно, сильное оружие, но не само по себе, а лишь в руках того, кому принадлежит.

– Ну я же говорила! Только хрен редьки не слаще. Ворошить чужое грязное белье, выдумывать сенсации для большей шумихи, «желтые» скандалы, интриги, политика – это не для меня.

– И снова ты ошибаешься. Работу журналиста можно сравнить с работой оперативника. Похожие принципы, методы и личные качества: творческий подход к делу, быстрая реакция, настойчивость сродни наглости, умение слушать людей, а также многое другое, в том числе способность не делить время на служебное и личное. И потом, кто-то же должен информировать общество о том, что действительно происходит в стране?

– А разве проведение расследований – дело журналистов? Может, этим лучше заняться соответствующим компетентным органам? Хотя я уже по опыту знаю, что и они своим делом так, как надо, занимаются не всегда. Убийцу-то отца не только не нашли, но и вовсе искать перестали.

– Вот ты и ответила на свой вопрос. Чем очевиднее неспособность соответствующих органов эффективно бороться с преступностью, тем больше становится журналистских расследований. И эта закономерность действует во всем мире, так как является потребностью здоровой части общества в самосохранении. Это не что иное, как желание помочь государству в защите общественных интересов.

– Ты это серьезно?!

– Конечно. Власть должна быть заинтересована в расследованиях в первую очередь, так как тот, кто владеет информацией, владеет миром.

– Вот где собака-то зарыта! «Должна быть заинтересована». Значит, это только пожелания и мечты? А я-то уж и в самом деле подумала, что власть ратует за расследования. Нет, Следопыт, нам с тобой не по пути. Да и смелости у меня не хватит, чтобы высказывать то, что я думаю.

– Тебе и не надо никакой смелости. Не бывает смелых журналистов, но есть смелые редакторы. Лично я всегда рискую плыть против течения.

– Вот нам обоим с тобой головы-то и поотрывают.

– Двадцать лет работаю журналистом, из них пятнадцать редактором, и пока не оторвали. А все потому, что у меня не тыква на плечах, а умная голова, которая знает, как надо поступить, чтобы уцелеть. Так вот, журналистика – это когда есть конфликт. А если его нет – это уже реклама, пиар и прочее, что к журналистике не имеет никакого отношения. Потому что ново-

сти – это то, что от нас пытаются утаить. Я тебе вот что скажу: критиканов на свете – каждый первый, а как доходит до конкретных действий, желающих думать и делать, как надо, словно подменяют. Они тут же становятся довольны всем, абсолютно лояльны и вполне счастливы. Просто берут в руки другую газету или начинают старательно переключать каналы в надежде на то, что отыщут хоть что-то удобоваримое. Ну так как?

– Даже не знаю, что и сказать.

– Ты даже не представляешь, какая захватывающая тебя ждет работа! Маляром, конечно, тоже можно. Но нет гарантий, что нежелательные мысли тебя оставят в покое. Есть только одна возможность избавиться от них – заменить другими. То есть не хочешь думать о зеленом жирафе – думай об оранжевом крокодиле. Тебе и жить станет интереснее. Тогда, может, и свои мысли о мести оставишь.

– Не оставлю, даже не надейся! Кто-то же должен найти убийцу отца, так почему не я? Тем более правоохранительные органы сдались без боя. Не потому ли, что знают, кто настоящий виновник его смерти? И здесь проституция в полной ее красе.

– Они все сделали по закону, ты даже не сомневайся.

– А вот я сомневаюсь.

– Неужели ты думаешь, что я спокойно буду смотреть на то, как ты себя губишь? Даже не мечтай. Потому что я загружу тебя работой, как никого другого. Теперь только работа, в которую тебе придется окунуться с головой, сможет удержать тебя от того безумства, что ты собираешься совершить.

– Это мое личное дело… Но я не стану препятствовать твоим попыткам спасти меня. Ведь ты же Следопыт. Вот и давай заниматься каждый своим делом. Итак, что там у нас с журналистикой?

– Журналист, собирающий материал, уподобляется ищейке, идущей по следу. А след может вывести как на положительный материал, так и на отрицательный. То есть негативный и крайне опасный. Отсюда – постоянное напряжение, всевозможные стрессы, так как умственная и физическая энергия тратится по максимуму, зрение обострено, слух насторожен. В общем, ищейка – она и есть ищейка. Ты к этому готова?

– Нет, конечно, что за вопрос! Как я могу быть готова к тому, о чем не имею понятия?

– Твое расследование будет ориентировано не на то, чтобы преследовать кого-то по закону, а исключительно на огласку. Твоя работа заключается не в том, чтобы выявить нарушение закона, а в том, чтобы помочь читателю в понимании того, что происходит в нашем сложном мире. Началом расследования может стать какое-то событие, попавшие в твои руки документы, даже слухи.

– Слухи?! Ничего себе источник!

– Да, и они тоже. Но не забывай о том, что любые факты, положенные в основу материалов, должны подтверждаться как минимум двумя источниками информации. Журналисту сегодня прощается все, кроме отсутствия таланта. Потому что умение связно писать – а оно и есть талант – человеку либо дается, либо нет. Связно научиться писать, конечно, можно. Но вот как написать так, чтобы читалось? Хороших журналистов сейчас так много, что работы хватает не для всех. Но лично тебе повезло: ты оказалась в нужном месте в нужный час.

– Спасибо, конечно, за предложение, но с чего ты взял, что у меня есть талант к этой профессии?

– Это только в деле можно проверить. Поэтому не будем торопиться отрицать у тебя столь важного для журналистики компонента. Зато я со всей очевидностью могу заявить, что у тебя особый склад ума: ты легка на подъем, мобильна, коммуникабельна и обладаешь ярко выраженным характером спортсмена – быть только впереди любой ценой. Я же тебя с детства знаю. Или я не прав?

– Может быть. А может, и нет. Это с какого боку посмотреть.

– Я научу тебя всему, что тебе необходимо знать и пригодится в работе. И чтобы приободрить, открою маленький секрет, который имеет большущее значение в нашей профессии. Он заключается в следующем: каким бы опытом ты ни обладала, с каждым новым редакционным заданием вынуждена будешь начинать свою работу с нуля. Поэтому реальная жизнь также станет твоим учителем. Ну и практика, конечно, которая является лучшим из всех учителем… А теперь пойдем, поздравим твою матушку с днем рождения. Она уже заждалась нас за накрытым столом.

– Ой, я совсем забыла! А цветы?

– Уже стоят в центре стола. Думаю, вы с мамой заслужили капельку радости за эти два месяца горя.

– Нам сейчас как-то не до радостей.

– Когда умерла моя мать, я тоже ужасно горевал. У меня даже депрессия началась, чуть в больницу не угодил. Пошел в церковь, поговорил со священником. И знаешь, что он мне сказал? Что души умерших нуждаются в духовной помощи близких людей. А соблюдение конфессиональных ритуалов – не просто дань традициям, а как раз и есть конкретная забота об умерших. Во всех религиях молитвы за них считаются благом как для того, кто ушел, так и для тех, кто остался. Еще желательно добавить помощь тем, кто сейчас слабее. Например, подать милостыню нищим. Так забота о душе умершего и помощь другим дает нам силы жить дальше. Лично меня спасло только это.

– Ты советуешь сходить в церковь?

– Да. Поставь свечку отцу за упокой, а себе и матери за здравие, почитай соответствующую молитву. У нас, как ни странно, очень сильна тяга к смерти. В то время как нам нужно, несмотря ни на что, продолжать жить дальше, мы изо всех сил тянемся к ней, безносой.

– Я не хочу умирать!

– Когда человек цепляется за умершего, он поневоле хочет быть с ним. Но нам надо жить, потому что мы еще не выполнили свои задачи. Только здесь тебе по силам помочь отцу.

– Ты прав. Мне нужно найти убийцу.

– Опять ты за свое? Неверующему трудно передать близкого человека даже богу. А верующий все привык возлагать на волю божью.

– Ты хочешь сказать, что его смерть…

– Я хочу сказать, что тебе тоже нужно положиться на бога. Ни один убийца не уйдет от наказания.

«Да-да, конечно, – думала Ася. – На бога надейся, а сам не плошай».

– Теперь пойдем, поздравим твою матушку. Выпьем за ее здоровье и за наше с тобой. Также рюмочку за упокой твоего отца. Не будем нарушать традиций.

Глава 2

Газета «Следопыт» входила в состав торгово-промышленного холдинга «Олимп», возглавляемого Мастерковым Геннадием Петровичем, личностью загадочной и непредсказуемой, а потому ласково-уважительно и не без известной доли насмешливости прозванной в тесном междоусобном кружке журналистов Крокодилом Геной.

Если раньше анорексично худая – как по содержанию, так и по внешнему виду – газета мизерным тиражом с девяностопроцентным списанием выходила один раз в неделю и состояла практически из одной рекламы, касающейся исключительно «Олимпа», то при Зацепине превратилась чуть ли не в народную любимицу. Благодарные читатели заваливали редакцию восторженными письмами, животрепещущими вопросами и просьбами о помощи, поэтому штат пришлось увеличить вдвое.

«Интересно, – думала Ася, поглядывая на увлеченно рассказывающего о своих подвигах Зацепина, – зачем крупному бизнесмену Мастеркову собственная газета? Насколько мне известно, это довольно затратный бизнес, и многие на нем уже погорели. А если газета и не бизнес вовсе, а, например, дань моде? Как конюшня или футбольный клуб. Или здесь замешано неистребимое желание стать представителем «четвертой власти»?»

– Зачем ему газета? – спросила Ася.

– Выгодно. Газета работает на имидж холдинга. Да и в общественном сознании статус издателя намного выше, чем владельца огромной империи.

– Поэтому газет теперь развелось столько, сколько читателей?

– Но это же хорошо: каждому читателю по газете.

– А издателю-то невыгодно.

– С чего ты взяла? Газету можно сверху донизу забить рекламой – чистые деньги за воздух и лишь в обмен на дешевую бумагу.

– Но это же халтура, чистейшей воды мошенничество. Да и кто станет читать газету, забитую рекламой?

– Снова ошибаешься. Это бесплатная реклама продукции холдинга. Чем кому-то платить за нее, лучше брать деньги с других предпринимателей за размещение чужой рекламы. А еще газета нужна для политических и представительских целей.

– Вот это больше похоже на правду. Повлиять на кого-то, половить рыбку в мутной водичке, собирая компромат, так?

– Ася, вот куда тебя сейчас несет, ты можешь мне ответить? Я же сказал, что всю ответственность за твои расследования я беру на себя. Тебе главное – не попасться с поличным. Но я же тебя всему этому научу.

Зацепин хитрил, когда намекал Асе на собственную смелость. По-настоящему смелым приходится быть, скорее всего, Мастеркову, который прикрывает пятую точку своего редактора. Хотя с этим вопросом тоже можно поспорить. Ведь главной особенностью расследований газеты является то, что они проводятся, как правило, «по собственной инициативе журналистов» – если Мастерков, конечно, сделает вид, что он здесь совсем ни при чем и что задание исходит не от него, – потому и крайним оказывается непосредственный исполнитель.

И ничего нового в этой банальной ситуации еще не придумано, так как каждая конкретная инициатива – и это общеизвестный факт – наказуема и карается в соответствии с действующим законодательством, а то и без его участия.

Пройти в редакцию оказалось совсем не просто. Трехэтажное здание, в котором она располагалась на первом этаже правого крыла, принадлежало «Олимпу» и бдительно охранялось. В левом крыле находились отдел кадров, бухгалтерия и небольшая, но очень уютная столовая,

преимущества существования которой Ася впоследствии оценила. О том, что находилось на втором и третьем этажах, Зацепин умолчал.

Вход в здание «Олимпа», напичканного видеокамерами внешнего и внутреннего наблюдения, осуществлялся строго по пропускам, заверенным у начальника охраны. Если пропуска у посетителя не было, охрана любезно вызывала того, к кому он явился, и вносила имя гостя в журнал. Незваного посетителя или, более того, совсем нежеланного, охрана так же любезно, пользуясь внушительной мускульной силой, выпроваживала из здания восвояси.

Асе даже пришлось стать свидетельницей подобного «гостеприимства». Какой-то шустрый дедок попытался прорваться в «Общественную приемную», которая якобы находилась на втором этаже, чтобы продемонстрировать кому-то «кузькину мать». Но два здоровенных охранника, подхватив тщедушного нарушителя чьего-то тщательно охраняемого спокойствия под руки, вынесли его за пределы здания и швырнули, как ненужный хлам, на пышную цветочную клумбу, вероятно, опасаясь, чтобы тот ненароком не ушибся.

Пока Асе оформляли пропуск, она наблюдала сквозь застекленные двери входа, как неугомонный старичок, немедленно вскочив, что-то выкрикивает, потрясая худенькими кулачками, но тут же пускается наутек, заметив возвращающегося к нему охранника.

«Однако, – сделала для себя вывод Ася, – здесь не все так, как кажется. И не стоит торопиться верить всему, что мне сейчас начнут показывать. А особенно тому, в чем самозабвенно примутся убеждать. Ушки на макушке, собачий нюх и глаз-алмаз совсем не помешают. Так же как и хвост, который следует держать пистолетом: авось придется отстреливаться».

В первый же день появления в редакции Асю закружило, как в водовороте. Она чувствовала, что тонет в потоке новой информации, хлынувшей на нее, как из рога изобилия. Зацепин чуть не бегом носился с ней по отделам, рассказывая о функциях каждого сотрудника, знакомил попутно с журналистами – служителями пера.

– В «ежедневке», выходящей по вторникам, средам, субботам и воскресеньям, ориентированной в основном на мужчин, главной считается информационная составляющая. Это новости, события, комментарии. Рекламы здесь мало. Зато ее предостаточно в «толстушке», то есть еженедельной газете, выходящей по четвергам. Эта газета ориентирована в основном на женщин среднего возраста. «Толстушка» – как ты понимаешь, стирка грязного белья на глазах у всего народа, то есть скандалы со звездами. Но есть и особая колонка со статьями нашего знаменитого специального корреспондента Антона Правдина о проводимых им журналистских расследованиях. Поэтому ее покупают все без исключения.

Запах кофе и бумаги, мелькание лиц, слившихся в единую массу под многообещающим названием «коллектив», короткие любопытные или насмешливые взгляды, вот даже чье-то подбадривающее подмигивание, и снова сосредоточенность на работе.

Сегодня верстается на четверг «толстушка». Непривычные слова и непонятные термины, а также суета такая, что голова кругом, а мысли в ступоре: неужели она когда-нибудь это освоит, запомнит и вольется наконец в слаженный процесс создания коллективного детища – ее величества газеты.

– Тебе тоже придется сегодня хорошо поработать, так что запасайся терпением. Завтра отоспишься. Я пристрою тебя к нашему корректору Мельниковой Ульяне Львовне. Ты у нас девушка грамотная, вот и будешь у нее на подхвате.

Мельниковой Ульяной Львовной оказалась симпатичная девушка почти одного возраста с Асей. Она занимала большой отдельный кабинет с несколькими длинными столами, заполненными сверстанными страницами. Отчества она не признавала, поэтому сразу перешла с Асей на «ты», словно они уже давно были знакомы.

– Зови меня Ульяна или Уля, как больше нравится. Моя работа – а на сегодня и твоя – заключается в предотвращении проникновения ошибок в тексты, выходящие на газетные

полосы. Это касается не только орфографии и пунктуационных ошибок, но и неувязок смыслового и стилистического характера.

Ульяна выложила перед Асей материал, предварительно просмотренный ею и помеченный кое-где красным фломастером знаками вопроса.

– Если что-то обнаружишь, можешь ставить свои знаки вопросов черным фломастером.

И Ася приступила к работе.

«Грабеж средь бела дня», – прочитала она заголовок, набранный крупно, а ниже – лид, выделенный жирным: «Самый лучший способ ограбить банк – стать в нем управляющим, привлечь граждан заманчивыми процентами, затем перевести все деньги за рубеж и скрыться в неизвестном направлении. Именно так, скорее всего, и собирается поступить управляющий коммерческим банком «Солли» Л. В. Берлицкий, оставив вкладчиков без средств, но с надеждой на суд, с помощью которого они, может быть (а может, и нет), вернут свои деньги».

Ася залпом прочла крайне смелую, на ее взгляд, статью Антона Правдина и немедленно прониклась к автору уважением. Затем принялась за другие материалы. Она так увлеклась вычиткой текстов, что не замечала, как быстро бежит время.

– Ася, бросай работу, – услышала она над ухом голос Ульяны. – Пойдем в столовую, пообедаем. Да и глазам не мешает отдохнуть.

У Аси перед глазами с непривычки и в самом деле мелькали мушки. Это было странно, так как обычное чтение – не дни и ночи напролет, конечно, – никогда не приводило к подобному эффекту.

Они сидели за небольшим столиком и ели бесплатный комплексный обед, который предоставляла сотрудникам фирма. Салат «Французский» с ветчиной и горошком, суп-лапша грибной со сметаной, куриное филе, запеченное с луком и перцем, выпечка с соком. Неплохо-неплохо.

– Очень удобно, правда? И никуда не нужно выходить. Да и куда пойдешь, если перерыв всего полчаса. Зато довольно вкусно и питательно. Для своих холдинг расстарался.

«Ну да, – подумала Ася. – Лишь бы работали, не поднимая головы и не разгибая спины. Зарплату не зря платят. Наверное, выжимают из сотрудников все соки. А потом куда – выбрасывают на свалку?»

И чего она разбухтелась? Тепло, светло и кормят хорошо. И зарплата, о которой не преминул упомянуть Следопыт, вполне приличная. Уж во всяком случае больше, чем получала она, когда работала экономистом. Значит, есть за что платить. Это и по статье Антона Правдина видно.

Хотя другой материал в «толстушке» ее несколько разочаровал – не газета, а сплетница какая-то, собравшая с миру по нитке и теперь, сидя на лавочке с другими старушками и выпучив для пущего эффекта глаза, выдающая шепотом полученную якобы из самых наисекретнейших источников информацию. Хотя, если взять во внимание потрясающую статью Антона Правдина, то «толстушке» вполне можно простить ее огрехи.

– Ульяна, ты не знаешь, куда из газеты ушел Антон Правдин?

– Антоша? С чего ты взяла, что он ушел? Как работал, так и работает.

– А можно с ним познакомиться?

– Об этом мечтают все журналисты. И я тоже. Но это невозможно, так как наш любимый и весьма плодовитый на горячие сенсации Антоша лишь псевдоним. А кто скрывается за этим знаменитым и обожаемым читателями именем, никто не знает. Журналисты посматривают друг на друга с любопытством и в то же время таинственно, пытаясь, видимо, себе присвоить лавры Антоши. И правильно делают. При таком отношении к нашему анониму его никто и никогда не вычислит. Некоторые считают, что это Зацепин, который опасается последующих расправ, потому и не считает нужным раскрываться. Впрочем, кое-кто намекает даже на самого Мастеркова Геннадия Петровича.

Вернувшись в отдел, где на длинных столах были разложены распечатанные колонки текстов будущей газеты, девушки продолжили работу. Ася еще раз пробежалась по непривычно смелой статье Антона Правдина. Однако как жестко и открыто он ставит вопросы перед властями и правоохранительными органами!

Куда же все-таки мог подеваться Антон Правдин? Не расплата ли это за статью? Или его никогда и не было? А если кто-то из журналистов прячется за этим именем? Тогда почему теперь Ася должна приступить к расследованиям вместо него? Нет, Антон Правдин – не Зацепин. И уж тем более не Мастерков. Иначе тогда зачем брать кого-то на освободившееся место?

Она почувствовала, как по телу бросились врассыпную перепуганные до смерти мурашки: а если его убили?! Тогда получается, что Зацепин осознанно подвергает Асю опасности? Нет! Этого не может быть! Ведь он же говорил, что ей даже особой смелости для этой работы не понадобится, так как всю ответственность он берет на себя. Асе же придется лишь собрать материал, сделать соответствующие выводы и передать компромат ему. А если Антона убили, когда он готовил материал для следующей статьи?

– Что с тобой, Ася? Ты в порядке? – услышала она голос Ульяны, прорвавшийся сквозь толщу оглушающего ужаса.

– Да. Просто здесь немного душновато.

– Так давай включим кондиционер?

– Лучше не надо. От него, говорят, бывает воспаление легких.

– Тогда я открою окно. Признаться, и сама недолюбливаю кондиционер: то он дует не туда, куда нужно, то от него какой-то запах идет. Ну как, тебе лучше? А давай-ка мы с тобой немного отвлечемся и попьем кофейку, пока журналисты статьи дорабатывают.

Ульяна заварила и разлила по чашкам кофе, вытащила из стола печенье.

– Пей, пока горячий. Такие чайно-кофейные пятиминутки – которые поневоле могут растянуться и на десять, а то и на пятнадцать минут, если начальство поблизости не стоит над душой, – нам разрешаются. А знаешь, как я нашу редакцию называю? Про себя, конечно, негласно. Чтобы никого не обидеть. Никогда не догадаешься. Но попытку тебе я предоставляю.

– Осиное гнездо, – не раздумывая, выпалила Ася.

Ульяна даже замерла на мгновение.

– Ну ты, подруга, даешь! Ты, случайно, мысли на расстоянии не читаешь?

– Нет. Просто угадала.

– Вот куркули, вот эгоисты, – влетел в корректорскую взъерошенный молодой человек. Именно он подмигнул Асе во время экскурса, устроенного Зацепиным по кулуарам редакции. – Запахи такие, что хоть слюной изойдись, а никто на кофеек не пригласит.

– Семочка, дорогой, ты не в том месте разбрасываешься обвинениями. Я всегда готова тебя напоить кофейком. Присаживайся и знакомься с нашим пополнением.

– Очень рад. – Молодой человек театрально приложил левую руку к груди, а правую чопорно протянул Асе. – Семен Вениаминович Беркут, фотокорреспондент.

– Арсения Фомушкина, Ася, – представилась девушка, подавая руку.

– Семочка, ты запамятовал: мужчины женщинам руку не подают.

– Отстань со своими поучениями, я и сам знаю, – прошипел тот, скосив губы в ее сторону. – Она просто забыла, – обратился Семен с обворожительной улыбкой к Асе, – что если мужчина пытается пожать руку женщине, это означает, что она ему приглянулась. Так сказать, проявление повышенного желания понравиться ей и войти в доверие. Особенно если задерживает ее ладонь чуточку дольше.

– Семочка, некоторых женщин это может испугать. Так что смотри не переборщи.

– Ну не с объятиями же и поцелуями к ней подступаться, в самом-то деле? А так хоть за ручку подержаться, приложиться к ней. Пока есть такая возможность. Вот когда вы прославитесь и станете знаменитостью, будет уже поздно. – Семен отпустил руку Аси.

– А почему я должна стать знаменитостью?

– Ну как же «почему»? Потому что плох тот солдат, который не примеряет мундир генерала. Только вместо штыка на его винтовке – острое перо прессы. Вы же тоже мечтаете пронзить им своих противников, не так ли?

Ася смотрела в умные, чуть прищуренные в насмешке глаза фотокорреспондента, и ей казалось, что он знает о ней нечто такое, чего ему знать не полагается. Или это его обычная манера общения с людьми, словно ему о них известно даже то, чего они сами о себе не знают? Что ж, тогда Асе лучше на всякий случай вести себя так, будто и она в курсе его самых сокровенных тайн, которые, так и быть, обязуется никому не выдавать.

– Есть такие мыслишки. Только время еще не пришло. – Ася почувствовала, как защипало в носу – первый признак подступающих слез – и опустила голову, уткнувшись в свою чашку.

– Ну-ну! Понадобится помощь, зови. Вмиг оседлаю персонального Пегаса и прилечу на крыльях вдохновения.

Справившись со слабостью, которую ни в коем случае не следует демонстрировать незнакомым людям, чтобы не стать предметом любопытства, Ася снова взглянула на Семена. Лукавство из его глаз исчезло, а умный и участливый взгляд словно пронизывал Асю насквозь. Она не могла избавиться от ощущения, что они понимают друг друга с полуслова, с полувзгляда и теперь у них на двоих одна общая тайна.

– Семочка, пей скорее кофе и выметайся, нам не до тебя.

Фотокорреспондент занялся кофе, задумчиво глядя перед собой.

– Семочка у нас парень неженатый, положительный с любого боку, с какого ни глянь. А потому ты, Асенька, обрати на него особое внимание. Жених из него получится хоть куда.

Семен даже поперхнулся печеньем, которое запихал в рот целиком. Кое-как откашлявшись – даже слезы выступили на глазах, – недовольно просипел севшим голосом:

– Слушай, нельзя же про такие серьезные вещи да под руку! Ведь, не ровен час, и угробить могла молодого человека, который никому не причинил никакого вреда. Ну кому мешает то, что я живу и радуюсь жизни?

– Вот ты погляди на него! – возмутилась Ульяна. – У нас в редакции одиннадцать прекрасных незамужних девчат, я двенадцатая, а ты, Ася, выходит, уже тринадцатая. А он как ходил свободным, так и продолжает невозмутимо оставаться холостяком. Вот где справедливость?

– Большущее спасибо за кофе! А еще за то, что все-таки не уморили! Хоть и имели, похоже, насчет этого далеко идущие планы. Но бывалого воробья на ваших печенюшках не прикормишь, поэтому спешу откланяться. Бывайте здоровы! – И Семен мигом выпорхнул из отдела, оставив после себя шлейф тонкого парфюма.

– Просто неисправимый холостяк… Ну что тут у нас? Кажется, все, что могли, сделали? Нет, даже и с тем, что не могли, успешно справились. И закончили благодаря тебе гораздо раньше. Пойду доложу Зацепину. Пусть нас хоть по головке погладит. Другого-то от него все равно ничего не дождешься.

За окнами давно наступила ночь, а работа в редакции только-только закончилась.

– Ты теперь будешь в основном в бегах, – сказала на прощанье Ульяна. – Но заглядывай, как появится минутка. Посидим, кофейку попьем, посекретничаем ни о чем, если такая охота появится.

«Ну да, как же, – думала Ася. – Вряд ли мне будет до секретов. А жаль. Ульяна, кажется, свой человек. Но секретничать мне теперь придется только со Следопытом. А может, ну ее, эту работу? Устала так, что до кровати бы только доползти».

Ася вошла в кабинет редактора. Зацепин сидел, устало разглядывая записи в ежедневнике.

– Как дела, Оса? Уморили сивку крутые горки? Ничего, завтра придешь в себя, а послезавтра снова сюда примчишься. Потому что работа эта затягивает, как никакая другая. И скоро ты это сама поймешь.

– Следопыт, а что стало с журналистом, вместо которого ты меня берешь?

– Разве я тебе не говорил? Ушел в другую газету, на повышение. Так как у меня свободной вакансии заместителя нет, а свое место я пока что уступать никому не собираюсь. Еще вопросы есть?

– Нет, – ответила Ася, но подумала: «Если ты не хочешь говорить о нем откровенно, я узнаю сама. Вот только зачем мне все это надо? В качестве гарантии собственной безопасности, что ли? Но в таком случае не проще ли вообще отказаться от предлагаемой работы? Именно так я и сделаю. Но только завтра. Так как сейчас аргументировать свой отказ язык не поворачивается. К тому же очень не хочется зря обижать Следопыта, пытающегося помочь. Все-таки родственник».

– Я хочу домой. Ты меня отвезешь?

Глава 3

На следующий день, хорошо выспавшись, Ася сходила в церковь, поставила свечки за упокой и за здравие и, вернувшись домой, принялась разглядывать старые фотографии. Там, где она маленькая с отцом, матерью, Следопытом. Сколько воспоминаний о счастливых годах…

А вот целый пакет с фотографиями, которые Ася сделала в шестнадцать лет. Возраст, когда заканчивается детство. Снимков так много, что она собиралась поместить их в другой альбом, но что-то помешало. Они так и остались ждать своего счастливого часа в конверте. Ася вынула любительские фотографии.

Следопыт подарил ей тогда на день рождения цифровой зеркальный фотоаппарат со сменными объективами, заявив, что берет ее к себе в газету внештатным фотокорреспондентом. И Ася от радости снимала все подряд, надеясь, что хоть пара-другая снимков ему понравится.

Не получилось тогда из нее не только фотокорреспондента, но даже более-менее приличного фотографа. Оказалось, что объять необъятное невозможно даже с самым новым фотоаппаратом, который отказывался фиксировать изображение окружающего мира таким, каким его видела Ася.

Большой перепад освещения на фотографируемой сцене – и детали терялись: вместо голубого неба с пышными облаками на снимке отражалось лишь белесое пятно, а люди в тени превращались в невнятные темные силуэты, сливающиеся с окружающей обстановкой. Заниматься же кропотливой работой по подбору индивидуальных надстроек для каждого снимка Ася считала лишней тратой времени и нервов, а потому объявила Следопыту, что увольняется по собственному желанию.

Так как работы Аси, за исключением нескольких фотографий, не представляли никакой художественной ценности, она охладела к этому – ну явно не ее – виду деятельности и снова окунулась в прекрасный волшебный мир книжных героев. Там у них все было ярко, красиво, захватывающе и понятно. Снимки так и остались лежать в плотном бумажном конверте. Вот и сейчас пусть туда отправляются. Еще на одиннадцать лет.

Она снова полюбовалась на удавшуюся фотографию отца и закрыла альбом, так как навернувшиеся слезы размывали изображение, искажая и делая его неузнаваемым.

– Асенька, пойдем пообедаем, – заглянула в комнату мать. – У нас с тобой с утра даже росинки маковой во рту не было. Хоть и нет аппетита, а есть надо. Чтобы сил хватало. Не только на терпение, без которого не выжить, но и на дальнейшее существование.

– Почему существование, а не жизнь?

– Я тебя на кухне жду.

Они сидели напротив, две женщины, у которых насильно отобрали близкого человека, вынудив относиться теперь к жизни как к воровке, позарившейся на чужое. Без него было пусто и в огромной квартире, и в душе.

Кажется, им даже поговорить не о чем. А ведь это не так. Но только слова не идут на ум, потому что обеим одинаково тяжко. И поделиться горем нет никакой возможности, так как оно уже общее и неделимое. Во всяком случае, между ними. Это все равно, что себе своего горя добавить.

– Асенька, почему ты не ешь?

– Я пытаюсь, но плохо получается.

Когда Асе в детстве не хотелось есть, заставить ее было невозможно. И тогда, если дома не было отца, с которым Ася и без уговоров могла съесть что угодно, даже ненавистную гречку, которую теперь обожала, матушка приглашала с улицы кого-нибудь из детей и сажала за стол

рядом с дочкой. Видя, с каким удовольствием подружка или дружок уминает невкусную, на ее взгляд, еду, Ася неожиданно для себя начинала облизываться, и у нее появлялся такой аппетит, что матушка только диву давалась.

А может, и сейчас кого-нибудь пригласить в гости? Нет, не поможет. Никого не хочется ни видеть, ни слышать.

– Я потом поем. Когда захочу. – Ася отодвинула тарелку с тушеным мясом и овощами.

– А если нет, будешь голодная ходить весь день? Может, хочешь чего-нибудь конкретного? Так скажи, я приготовлю.

– Хочу. Чтобы меня оставили в покое.

Ася вышла из-за стола и отправилась к себе. Вот зачем она обидела мать? Ей так же тяжело. Нагрубила просто так, походя, даже не задумываясь. А если не просто так? Что она имеет в виду? Что матери не так горько, как Асе?

Хотя бы и это. Как бы женщина ни любила своего мужа, у нее может, если она захочет, появиться и второй, и третий, и даже десятый. А вот второго отца не будет никогда. Он был один-единственный, и другого Асе уже никто не предоставит. Да ей никакой другой и не нужен.

Ну почему так тошно на душе? Что за дурные предчувствия не дают ей расслабиться? Ася набрала номер и назвалась.

– Асенька, привет! Ты как, пришла в себя после вчерашнего? Не передумала у нас работать?

– Еще думаю. Вся ночь впереди. Уля, а ты знаешь, что за работа мне предстоит? Вчера была такая запарка, что Зацепин мне ничего толком не успел объяснить.

– Тебе, подруга, повезло. Работа корреспондента «Отдела происшествий» вполне блатная. Сидишь себе и ждешь каких-нибудь происшествий. Как только что-то где-то случилось, мчишься на всех четырех туда, фиксируешь и возвращаешься в редакцию. Пишешь заметку, сдаешь, и ты свободна как… овечка: вроде на поле, а забор мешает. Зато никакой тебе политики, высказывания собственных мнений, которые могут не совпасть с мнением начальства. Не работа – мечта. Беготни, конечно, много, зато интересно, постоянно среди людей, новые лица, занятные истории. В общем, скучать не придется.

– А если никаких происшествий не будет?

– Значит, из Интернета у кого-нибудь передерешь. Все так делают. И никто не обижается. Так как сегодня ты у кого-то займешь информацию, а завтра кто-то воспользуется твоей. Своего рода взаимовыручка.

– А если в Интернете мне ничего не понравится?

– Придумаешь сама. Знаешь, какие истории выдумывала Мария Ивановна, вместо которой ты теперь будешь работать? Зачитаешься! Ехать ей, например, куда-то далеко не хочется, она возьмет и сочинит что-то совершенно потрясающее.

– По какой причине она уволилась?

– По пенсионной. Возраст подошел, вот больше и не захотела работать.

«Не могла эта старая бабка вести никакие журналистские расследования, – подумала Ася. – Значит, был кто-то еще».

– Если честно, то не такой я себе представляла работу журналиста. Да и по происшествиям ездить, наверное, не так уж и здорово. А вдруг это авария какая-нибудь. Значит – жертвы, трупы, кровь. Я ужасно боюсь крови… А еще кто-нибудь увольнялся из редакции? Может, его место не такое страшное?

– Еще Стас уволился, журналист. Но, как мне кажется, не сам. Лодырь был еще тот. Все время где-то пропадал. А когда появлялся в редакции, информацию приносил – кот наплакал. Работа у нас, сама понимаешь, коллективная, и никому не понравится, что на его горбу в рай кто-то пытается въехать. Вот ему и пришлось уйти.

– И где он сейчас?

– Не знаю. Болтается, наверное, без работы. Журналисту теперь нелегко устроиться, потому как кризис, будь он неладен. Я вообще не помню, чтобы мы когда-нибудь жили без кризиса. Прав Антоша: то мы в него входим, то из него выходим и никак выйти не можем, а там глядишь – и новый уже на носу.

– Спасибо, Уля, что поболтала со мной. Уже не так страшно будет завтра на новую работу выходить.

– Заходи на огонек, Асенька, если минутка найдется.

– Обязательно найду.

«Остается только узнать фамилию Стаса – Уле лучше больше не задавать о нем вопросов, чтобы не заподозрила чего, – разыскать его и убедиться хотя бы в том, что он жив, здоров и с ним все в порядке. А то, что он работу потерял, такая ерунда по сравнению с тем, как если бы он лишился жизни. И если выяснится, что со Стасом все ладушки, можно будет из головы дурные мысли выкинуть».

Ася побродила по комнатам, словно что-то разыскивая, но вспомнить то, что засело в ней, как заноза, и не давало покоя, не смогла. Ну почему так неспокойно на душе? Ведь с утра она чувствовала себя вполне сносно. Почему все так резко изменилось? Какая ускользающая мысль вторглась мимолетом в сознание и разрушила это благостное состояние после церкви?

Ах да, она рассматривала фотографии в альбоме. Ну и что? Ася видела их миллион раз, и ничего нового в них просто не могло быть. А если на что-то она, хоть и мельком, взглянула по-иному? Фотографии не изменились. Или изменились? Особенно тех, кто нас уже покинул. Неужели Асю расстроила одна из фотографий отца? Нет, не то. Значит, чья-то другая? И чего она мучается? Взять альбом и еще раз пролистать.

Ася села с альбомом за стол и уже более внимательно принялась разглядывать его содержимое. Останавливалась на каждой фотографии, всматривалась в родные и знакомые лица. Нет, она ошиблась. Дело совсем не в снимках. Добралась до самой последней странички и снова наткнулась на пакет с неудавшимися пробами фотообъектива.

Хотела сунуть пакет в альбом и забыть об этом странном предчувствии чего-то неуловимого и опасного для себя, но испугалась, что депрессия утянет ее в омуты беспросветной безысходности, и вывалила все снимки из пакета на стол. Разложив в несколько рядов, стала всматриваться, вспоминая далекий суматошный день.

Гостей тогда родители пригласили видимо-невидимо. Все-таки шестнадцать лет – возраст, когда окончательно прощаешься с детством и стоишь на пороге пугающей взрослости, а потому его следует отметить с размахом. Ася носилась с фотоаппаратом среди гостей, которые ей с удовольствием позировали. Да, поснимала она тогда, конечно, кучу народа. Наобещала, что всем вышлет снимки по почте, а как впоследствии глянула, что у нее получилось, решила поскорее забыть о своих намерениях, чтобы не позориться перед людьми.

Незнакомые лица лучше отложить в сторону, чтобы не мешались, все равно же она их прежде никогда не видела, да и потом тоже. Остались только свои: близкие и родственники. Из умерших – отец, бабушки и дедушки с обеих сторон. Из ныне здравствующих – мать и Следопыт. Жаль, что Ася себя пропустила. И никому даже в голову не пришло, что фотографировать в первую очередь нужно было саму именинницу. Ну да ладно, что уж теперь-то сожалеть.

А это что такое? Ася даже лупу взяла, чтобы лучше разглядеть. Какая странная фотография. На других все гости смотрят в объектив, а на этой… взгляд Следопыта направлен куда-то за спину фотографа. Его здесь трудно узнать. Спокойное и, как обычно, довольно равнодушное лицо преобразилось настолько, что можно прочесть по нему целую бурю эмоций: огонь в мимолетном пылком взгляде, вырвавшаяся на мгновение бушующая страсть, обожание и нежность, а также горечь и обида. Что за чудо чудное явилось ему? Что или, скорее всего, кого он увидел?

Вот напридумывала! Ася отложила на время фотографию и закрыла глаза. Ну и что, даже если она не ошиблась? Ну влюбился мужик в какую-то молоденькую красавицу, и что в этом странного? Он еще тот ловелас. Вон уже два раза был женат. Тогда почему Ася на снимках не увидела ни одной молоденькой красавицы? Значит, она просто тогда ничем не заинтересовала Асю, потому и не попала в объектив.

Вот сейчас она откроет глаза и увидит совсем другую картинку: Следопыт застывшим и равнодушным, словно у удава, взглядом наблюдает суету сует, в которую превратили тогда ее день рождения дорогие родители. Ася открыла глаза и снова вгляделась в снимок. Прежние впечатления не только утвердились, но появилась еще одна, ранее незамеченная, эмоция – безумная всепоглощающая любовь! Уж ее-то нельзя спутать ни с какой другой.

Так-так! Значит, Следопыт на ее празднике в кого-то так влюбился, что даже скрыть своих эмоций не сумел, когда смотрел на предмет своей страсти? Ася взяла снимок и направилась в комнату матери.

Та лежала, укутавшись в шарф, словно ей было холодно. Но ведь лето в самом разгаре, и солнце палит нещадно, вынуждая открывать окна и устраивать сквозняки. Отвернувшись к стене, мать как-то странно подергивала плечами, но, когда услышала шаги дочери, замерла.

«Плачет, – подумала Ася и села на край кровати. – Надо ей дать возможность успокоиться». Она помолчала немного, но утешать мать не торопилась. Той нужно выплакаться. Как и Асе. А плакать при свидетелях совсем не хочется. Иначе придется говорить об отце. Чтобы поскорее выговориться и уже окончательно прийти в себя? Нет, Ася ни с кем не хочет делиться воспоминаниями, даже с матерью. Иначе ей самой ничего не останется.

– Мам, помнишь, на мое шестнадцатилетие вы с отцом столько гостей пригласили, что у нас в квартире было форменное столпотворение?

– Конечно, помню. И что?

– А была среди гостей молодая красавица, которой мог тогда заинтересоваться Следопыт?

– Была. И не одна.

– Тогда почему я ни одной из них не сфотографировала?

– Понятия не имею. Почему ты об этом вспомнила сейчас?

Мать поднялась, пряча от дочери покрасневшие глаза, подошла к окну и принялась поливать из маленькой лейки цветы в горшках.

– Ты ела что-нибудь?

– Сейчас пойду на кухню и поем. Скажи, а ты можешь сказать, на кого он смотрит?

Она подошла к матери и сунула ей в руки снимок.

– Ася, мне-то откуда знать, на кого одиннадцать лет назад смотрел твой крестный, когда ты его фотографировала? Снимок делала ты, вот и вспомни, кто тогда стоял за твоей спиной… Извини, мне что-то нехорошо. Я полежу немного, может, усну. Сегодня за всю ночь глаз не сомкнула. – И она снова легла на кровать, отвернувшись к стене.

Выходя из комнаты, Ася почувствовала, что у нее появился аппетит. С чего бы это? Надо же как-то стимулировать мозг, чтобы он вспомнил давно минувшее. Но почему это представляется ей таким важным?

Ася съела большой кусок торта, выпила чашку чаю и готова была снова искать ответ на заинтересовавший ее вопрос. Она вернулась к столу и рассортировала все фотографии по времени съемки.

Трудность заключалась в том, что снимала она не по кругу, то есть поворачиваясь в одном направлении, а старалась ухватить нравящиеся ей картинки и слева, и справа, и оглядываясь назад. И все же ей удалось хоть как-то систематизировать изображения, угадывая по фрагментам мебели. А так как свою квартиру Ася знала слишком хорошо, чтобы ошибиться в определении конкретного места, она вычислила того, кто в момент съемки стоял за ее спиной.

Ася почувствовала, как внутри у нее словно что-то оборвалось. Не может быть! Этого просто не может быть! Она перепроверила еще раз и оставила на столе только две фотографии – Следопыта и матери. Это на нее он смотрел, как на чудо, влюбленными глазами, не смея открыто выразить обуревающие его чувства!

Значит, Следопыт еще одиннадцать лет назад любил ее мать?! А если гораздо раньше? Если он любил ее всегда? А если он любит ее и сейчас? И мать знает о его любви! И всегда знала.

Ася внимательно рассматривала фотографию матери, пытаясь прочесть по лицу ее эмоции: грусть в глазах – и это в день рождения дочери! – натянутая, словно застывшая на губах, улыбка. Да полно, не кажется ли это Асе? Может, из-за усталости? Нет: мать всегда знала, что Следопыт ее любит!

Однако не нужно торопиться с выводами. Следует сначала поговорить с ней самой. Ася кинулась в комнату матери.

– Посмотри, я нашла и твой снимок. – Она протянула фотографию.

– Ну и что? – Мать даже не взглянула на снимок.

– А то, что Следопыт смотрел не на какую-то несуществующую красавицу, которой и в помине не было. Он смотрел на тебя!

– Ну и что?! – Мать уже теряла терпение. Она села на кровати и взглянула на дочь: – Да, он смотрел на меня. Что дальше?

– Но он не имел права так на тебя смотреть! Ты должна была запретить ему так на тебя смотреть!

– Ася, я понимаю: тебе сейчас очень плохо. А когда человеку плохо, он пытается обвинить в этом кого-то. Ты почему-то выбрала для обвинений Следопыта.

– Ошибаешься! Он ведет себя так, как ему позволяешь ты. Это ты виновата в том, как он на тебя смотрит!

– Зачем ты так? Я всегда любила только твоего отца.

– А Следопыт всегда любил только тебя? Так, что ли? И никто ни в чем не виноват? Вот только вы оба живы, а отца больше нет. Почему умер он, а не Следопыт, не ты?

– Асенька! Что ты такое говоришь, опомнись!

– То, что слышишь! Почему убили именно его? Почему не убили Следопыта? Или тебя, например?

– Другими словами… – Ася увидела, как мать приложила ладони к горлу, словно ей трудно стало дышать, и побледнела как полотно, – тебе было бы легче, если бы умерла я, а не твой отец?!

Глаза ее уставились в пустоту. Мать словно окаменела.

– Да, ты, наверное, права. Лучше умереть, чем так мучиться. От беспросветной тоски по человеку, которого любила больше жизни. От душевной боли, которую уже ничем не унять. Как жаль, что ничего нельзя вернуть. Так, как было прежде, уже не будет никогда! А по-другому мне не нужно. – Она снова легла и отвернулась к стенке.

Случилось то, чего больше всего боялась Ася: мать поделилась с ней своим горем, а так как их горе было общим, оно удвоилось для Аси и не принесло облегчения матери. Потому что нельзя обращаться за помощью к слабому, который сам еле держится на ногах.

Ася со слезами на глазах бросилась в свою комнату и, закрывшись на ключ, повалилась без сил на кровать. Она рыдала в голос, понимая, что слезы не приносят облегчения. Наоборот, душу словно тисками сжало – ни вздохнуть, ни выдохнуть, – и помощи ждать неоткуда.

Они обе загнали себя в угол, по собственной воле не оставив себе шансов ни на понимание, ни на прощение, ни на будущее. Ася с трудом заставила себя подняться и набрала номер.

– Следопыт, если ты немедленно не приедешь, случится что-то страшное и непоправимое.

Через полчаса она услышала звонок в дверь, затем стук. Почему мать не открывает, неужели так трудно? Ася поплелась к выходу. Зацепин влетел в квартиру, озираясь:

– Что случилось?

– Горе у нас случилось, разве не знаешь?

– Где она?

– У себя.

Он подскочил к спальне матери и толкнул дверь, но та оказалась запертой.

– Рита, с тобой все в порядке? Открой! Это я, Зацепин. Что произошло? – обратился он к Асе.

– Отношения выясняли.

– Нашли время! Рита, открой немедленно! – принялся стучать в дверь Зацепин. – Ася у себя в комнате заперлась и не открывает.

«Не поверит, – подумала Ася. – Кто тогда тебя в квартиру пустил? Ну разве что дверь оказалась незапертой. Это у нас в последнее время часто бывает».

– Идет, – прошептал Зацепин, приложив ухо к двери. – Бегом к себе, чтобы она тебя не увидела.

Дверь открылась, и на пороге появилась взволнованная Маргарита. Она еле держалась на ногах, опираясь плечом о косяк. У Зацепина даже дух захватило от жалости. Не было того, чего он для нее сейчас не сделал бы. Только бы она пришла в себя, снова ожила и была счастлива!

– Что с Асей?

– С ней все в порядке, не волнуйся. А вот ты совсем сдала.

– Да, кажется.

Она сделала шаг назад в комнату, и если бы Зацепин не подхватил ее, рухнула бы на пол. Он помог ей добраться до кровати. Маргарита легла, снова укутавшись в шарф.

– Я вызову врача.

– Нет, мне уже лучше. Лишь бы с Асей ничего не случилось.

– А может, тебе в больнице полежать, сил поднабраться? Тебя подлечат, на ноги поставят. Да и людей там много, и каждый со своей болячкой, так что скучать не придется. Как увидишь, что и другим в жизни достается не меньше, чем тебе, легче будет смириться и со своим горем. Ни одна семья на свете без потерь не живет.

– Я не оставлю Асю одну.

– Она не одна. Особенно теперь, когда я ее взял к себе на работу. У нас там такая кутерьма, что ей некогда будет задумываться. Сейчас вам обеим лучше находиться среди людей. Сами не заметите, как окружающие по чуть-чуть, по ниточке разберут ваше горе, вот вам меньше и останется. И вы поймете: нужно жить дальше, что бы ни произошло. Не вы первые, с кем такое случилось, не вы последние. Все когда-нибудь через смерть близких проходят, и не один раз. Дети вынуждены хоронить родителей, жены мужей.

«Бывает даже так, – не сказал, но подумал Зацепин, – что родители хоронят детей, а это гораздо хуже. И все равно жизнь продолжается».

– Пойди к ней, посмотри, как она там? – попросила Маргарита.

– Хорошо, посмотрю. А ты вставай потихоньку и выбирайся на кухню. Мы с Асей сейчас что-нибудь поесть приготовим. Если вы сами решили голодать, то хоть гостя-то покормите?

Зацепин зашел за Асей, и они отправились в кухню.

– Ты готовить-то умеешь?

– Умею, но не люблю.

– Не завидую я твоему мужу.

– Я найду такого, который сам любит готовить.

– Ты лучше разыщи такого, который будет тебя любить.

– Это уж само собой разумеется.

– Ну не скажи, Оса, в жизни бывает всякое.

– Что ты собрался готовить? – Ася устроилась в кресле с ногами и приготовилась наблюдать.

– Ты хотела сказать: что будем готовить мы? – Зацепин заглянул в холодильник, вытащил кастрюлю и открыл крышку. – Как вкусно пахнет. Для начала разогреем мясо с овощами. А пока оно греется, сделаем салат из помидоров и огурцов. Со сметаной… которой на донышке, поэтому добавим растительное масло… которого всего-то осталось со столовую ложку. Но нам хватит. Ты не забыла, что тебе завтра на работу? А раз ты будешь весь день занята, то к вечеру явишься домой разбитая и усталая. Поэтому за продуктами мы с тобой сходим сегодня. Забьем до отказа холодильник всякими вкусностями, и жизнь уже не будет казаться такой серой и беспросветной. Чего сидишь? Режь огурцы, помидоры, пока я с зеленью вожусь. Петрушку и укроп я сначала ненадолго замачиваю в холодной воде. Добавляю в воду побольше соли, которая вытянет все нитраты. Затем промываю в проточной воде, и она уже годна к употреблению.

Салат на столе, мясо в порционных тарелках, остатки тортика порезаны на кусочки. Маргарита вошла в кухню и села за стол.

– Ты как, не будешь против, если я после ужина ненадолго заберу Осу с собой прошвырнуться по продуктовым магазинам?

Как же они обе устали жить без уверенного и бодрящего мужского голоса, умеющего расшевелить, увлечь, избавить от упаднических настроений, вселить надежду, что не все еще потеряно и стоит хотя бы попытаться вырваться из цепких лап безысходности. Ведь никакие они не особенные, а сделаны из того же теста, что и другие. А потому так же, как и все, найдут в себе силы, выберутся наконец на свет из непроглядного мрака обрушившейся на них беды и поймут, что жить дальше нужно. Так как если бы было по-другому, человечество давно бы вымерло, не оставив о себе даже воспоминаний.

Они ели молча, и каждый думал о своем. Но общая на всех мысль одинаково приходила в их головы. Поэтому никакие слова и не были нужны: все и так ясно, яснее просто некуда.

Глава 4

На следующий день Зацепин заехал за Асей, словно опасался, что она не явится в редакцию.

– Ты теперь постоянно будешь подвозить меня?

– Могу и постоянно, если хочешь, чтобы тебя возненавидели.

– Не хочу.

– Тогда, как и все, будешь добираться до работы на метро. Пока машину себе не купишь. Хотя у тебя она, кажется, уже есть. Права, что ли, не можешь получить?

– Права у меня тоже есть. Только толку от них никакого. Потому что я боюсь садиться за руль. Отец посмотрел на такое дело и решил, что мне лучше на метро ездить: ни тебе пробок, ни лишней нервотрепки в дороге с поломкой машины и заездом в гараж.

Ася вспомнила, как врезалась задом в металлические ворота, когда пыталась загнать в гараж машину, и у нее мгновенно, как и тогда, от страха перехватило дыхание. Отцу пришлось отгонять машину в автомастерскую. Но так как ездить на ней никто не собирался, автомобиль поставили в гараж. Теперь он там пылится, никому не нужный. Рядом с такой же бесполезной машиной отца, которую после случившегося пригнал из Барвихи Следопыт. И Ася, в который уже раз, утвердилась во мнении, что лучшего транспорта, чем метро, даже придумать невозможно.

Она сегодня с удовольствием ушла из дома, оставляя мать одну: они обе должны отдохнуть друг от друга, так как осадок, оставшийся после вчерашней неприглядной истории, имел привкус вины, в которой Асе не хотелось признаваться даже самой себе.

Ася-то чем виновата, если мать своевременно не попыталась разрушить, пусть даже мысленный, условный и вполне платонический, но треугольник? Мать еще много лет назад должна была дать понять Зацепину, что тот не смеет рассчитывать на что-либо. Ведь даже эти тайные взгляды, которые не могли укрыться от матери, причиняли вред их семье.

Тем более что отец мог обратить на них внимание и неизвестно как отреагировать… Хотя, если родители даже ни разу не ссорились, скорее всего, ничего о тайной любви двоюродного брата к своей жене папа не знал. Вот и хорошо. Значит, душа его спокойна.

На короткой летучке Зацепин сообщил о том, что статья Антона Правдина наделала много шума и вызвала большой резонанс в обществе. Вкладчики атакуют коммерческий банк «Солли», Центробанк предъявил к редакции претензии за сокрытие информации, а правоохранительные органы хоть и получили абсолютно все компрометирующие кредитную организацию материалы, затаили на газету внушительный зуб.

Реакция сотрудников на выступление редактора была однозначной: ничего кроме гордости за проделанную работу, в которую каждый внес свою маленькую лепту.

Довольные сотрудники разошлись по отделам обсуждать удачную публикацию, не оставившую равнодушными ни власти, ни общественность, а это самое главное. Предполагаемый преступник в лице управляющего банком «Солли» Л.В. Берлицкий определен, о чем свидетельствуют документы, а «болевые точки» на теле социума в виде неправильной экономической политики, осуществляемой в обществе, обозначены.

Теперь нужно ждать ответной реакции – читательских писем, вызова в суд и неизбежного нагоняя сверху – либо от собственника газеты, который в любом случае оправдается и свалит всю вину на бедного Зацепина, либо от кого покруче, чьи интересы газета осмелилась затронуть. В общем, Зацепину сейчас не позавидуешь. Хотя рейтинг газеты взлетел выше некуда.

После совещания Зацепин задержал Асю. Та пересела с конца длинного стола поближе к боссу, наблюдая, как сумрачно его лицо, несмотря на явную победу.

– Следопыт, тебе теперь достанется от всех и каждого, кому не лень будет пнуть, ткнуть и указать тебе твое место? – посочувствовала она.

– Переживу, не впервой. У нас еще одна проблема. Не стал говорить о ней при всех, чтобы не портить ощущение победы, которое и так частенько отдает горечью. Перед летучкой позвонили из Следственного комитета. Сообщили, что Леонид Витальевич Берлицкий найден сегодня утром мертвым. В своем загородном доме. Предварительная причина смерти – самоубийство.

– Это из-за статьи?

– Не знаю. Может быть. Поедешь на место происшествия ты. Я пока никому не хочу об этом говорить, так как история с его гибелью непростая.

– А с меня полицейские шкуру не спустят?

– Непременно спустят. Но ты держись. Я сейчас сделаю один звонок. – Зацепин набрал номер. – Василий Степанович? Доброе утро… Да, это я… Да, знаю и очень сожалею о случившемся… У меня работа такая… Нет, я не перешагиваю ни через чьи жизни… Согласен… У меня к тебе просьба… Да, ты угадал… Нет, я не коршун… и не гриф… и не падальщик… и не проститутка… Да нет же! Я не обижаюсь, раз Берлицкий мертв. Но если выяснится, что публикация здесь ни при чем, тебе придется извиниться за свои слова… Договорились. Так вот, я посылаю к твоим архаровцам новенькую, она всего второй день работает… Ну что они у тебя, совсем, что ли, неуправляемые?.. Я тебя очень прошу, пусть твой следователь поговорит с моим журналистом… Фомушкина Арсения Антоновна… Хорошо. И попроси его, чтобы повежливее, не нужно ее пугать негативным отношением к прессе. А то мне скоро работать будет не с кем…. Нет, пусть привыкает, – Зацепин глянул на Асю, – трудности закаляют… Нет, она не сломается, я в нее верю. Спасибо… Да, через пару часов. – Зацепин положил трубку и взглянул на Асю. – Ну что – поедешь или другого кого послать?

– Конечно, другого, – тут же согласилась Ася.

– Теперь Антон Правдин у нас – ты. Потому и ехать тебе.

– Но они же об этом не знают.

– Вот и хорошо, что не знают, иначе не сносить тебе головы. – Он достал из сейфа папку. – Вот здесь все документы по статье, черновики, наброски. Я в правоохранительные органы передал пока только копии, оригиналы могут понадобиться в суде, если кто-то попытается привлечь нас за клевету. В общем, сама разберешься. И газету со статьей туда же положил. Папку храни как зеницу ока. В твоем кабинете сейф, там оставь. – Он передал Асе ключ. – От сейфа. Ключей всего два: один у меня, другой теперь у тебя. Через час наш водитель, Сергей Николаевич, зайдет за тобой и отвезет на место происшествия. Возьми фотоаппарат – он в сейфе, – а также блокнот, микрофон. На месте найдешь следователя Следственного отдела… – Зацепин посмотрел записи, – Ростоцкого Бориса Ивановича. Будешь работать с ним. Если, конечно, он сразу тебя не отправит куда Макар телят не гонял. Но ты будь настойчива, потому что не милостыньку пришла просить, а делать свое дело. Поувереннее себя веди, с чувством собственного достоинства. Хоть что-то из него вытяни и тут же назад, чтобы заметка вышла в завтрашней газете.

Ася помедлила. Ей так не хотелось идти туда, где страшно и где ее собираются встретить как врага.

– Мне понравилась статья. Он всегда так писал?

– Антон писал гораздо лучше. Не понимаю, что с ним произошло на этот раз. Если бы не актуальность статьи, я бы ее не пропустил. У нас каждая минута на счету. Чуть зазеваешься – и время упущено, материал устарел и уже никого не интересует. Нет, на этот раз Антон Правдин не оправдал моих надежд.

– Но почему?

– Журналист, проводящий расследование, словно истинный следопыт, должен вести за собой читателя, знакомя его со всеми деталями расследования. От обнаружения фактов, обозначения связей между ними, формулировки и описания проблемы. Затем уже выдвигать версии. Следует постепенно подводить возбужденного от нетерпения читателя к истине, которая может быть только одна.

Зацепин помолчал, видимо, размышляя о чем-то своем. Ася тоже притихла, словно прислушиваясь к своим мыслям.

– Хотя истину вряд ли можно описать словами, – задумчиво произнес Зацепин. – Потому что она всегда находится где-то между строк. И в тишине. Так как слова у всех свои, и их много. А тишина – одна на всех, как и истина. – Он рассеянно взглянул на Асю. – Нет, не такой я хотел увидеть эту статью. Не такой. Думаю, что ты будешь писать лучше. Если сразу не получится, я подскажу, как надо. Ты станешь лучшей из лучших.

– Хорошо бы.

– Это твое первое задание. Ничего особенного, просто изложить факты простым, понятным для читателя языком. Это не журналистское расследование, а констатация свершившегося события. И не путай обычное отражение происшествия, даже такого, как чья-то смерть, с журналистским расследованием. Не повторяй ошибок Антона Правдина.

– А что он сделал не так, когда выполнял задание?

– Слишком много взял на себя, а пупок-то и не выдержал – развязался. Этот смельчак решил, что может менять данное мной задание по своему усмотрению. Например, делать из явного врага героя, описывая во всей красе его мнимые подвиги.

– Я не поняла, из кого он сделал героя в своей статье?

– Из своего осведомителя, который предоставил ему необходимые для расследования материалы.

– А разве он не герой, что не испугался выдать расхитителя чужих денег?

– Когда тебе предлагают воспользоваться какой-то информацией, сначала следует проверить, не провокация ли это.

– Разве материал для его расследования был провокационным?

– В большой степени.

– Тогда почему ты допустил, чтобы статью опубликовали? Потому что решил стать первым?

– Ох, и язычок у тебя! А с чего ты решила, что я пропустил всю статью? Почти половину пришлось убрать.

– А я-то думаю, почему в статье словно чего-то не хватает, местами одни намеки.

– Все материалы по этому делу переданы следственным органам. Вот они и будут делать окончательные выводы. И наказывать кого следует. Наша задача – поставить в известность общественность, что мы и сделали. Вернее, мы сделали больше: снабдили правоохранительные органы уликами против расхитителей чужой собственности. Поэтому, берясь за любое дело, сразу определись, на чьей ты стороне. Чтобы не метаться, как сама знаешь что, от одного берега к другому, не решаясь, к какому пристать. Точку зрения противника, конечно, тоже надо иметь в виду, но не забывать при этом, из чьих рук кормишься.

– Ты хочешь сказать, что расследование заведомо должно быть зависимым?

– Наоборот, ты будешь заниматься самыми независимыми расследованиями, какие только возможны, но исходя из тех фактов, которые у тебя будут.

– А если эти факты окажутся из не совсем достоверных источников? Ты же сам сказал, что мы не знаем, зачем их нам подсунули?

– Оса, ты торопишься и ставишь телегу впереди лошади. В ходе расследования, конечно, всякое случается, но зачем же заранее переворачивать факты и события с ног на голову? Ты хотя бы начни работать, составь план действий. А уже потом, когда будет виден хоть какой-

то результат, примешься делать выводы. Информация и в самом деле может не подтвердиться. Или результаты расследования не позволят прямо возложить ответственность на кого-то конкретно. Имей в виду, что могут возникнуть криминальные и трагические ситуации, которые появляются как результат стечения обстоятельств. Предвидеть все невозможно. Тогда и будем решать, как поступить с полученным материалом дальше. Тебе все понятно?

– Нет, конечно… Но я разберусь.

– Оса, прошу тебя только об одном: прежде чем куда-то сунуться, посоветуйся со мной, так как это может быть совсем небезопасно. К тому же как человек более опытный и собаку съевший на этом поприще…

«Бедная собака», – подумала Ася.

– …я подскажу, как получить те же факты из более безопасных источников. Ключ от кабинета у тебя, иди, готовься к поездке. И ни одна душа не должна заподозрить, что ты работаешь под прикрытием. Все ясно?

– По-моему, ты перестраховываешься.

– Приходи немедленно, как только возникнут вопросы. Сама, без моего ведома, никуда не суйся. Твоя безопасность для меня превыше всего. И еще: если посчитаешь, что ты эту работу в гробу видела, я пойму и не обижусь. Будешь рядовым журналистом, специализирующимся на происшествиях. Как Мария Ивановна до тебя.

– И тогда благополучно доработаю до пенсии?

– Все мы когда-нибудь до нее доработаем… Если нам повезет. Постарайся не оставлять на рабочем столе важные документы и черновики, которые могут попасть на глаза кому-нибудь еще. Все клади в сейф, а ключ бери с собой. На твоем персональном компьютере должен быть пароль, чтобы никто, кроме тебя и меня, не мог узнать, над чем ты сейчас работаешь.

– А это не покажется кому-то подозрительным?

– Пароли в обязательном порядке стоят на всех компьютерах. В нашей редакции не принято сообщать свой пароль другому журналисту. Для их же безопасности. Никто из сотрудников редакции понятия не имеет, кто на самом деле является Антоном Правдиным. Каждый волен думать на кого угодно и даже пытаться делать вид, что именно он и есть самый знаменитый и читаемый журналист. А теперь иди. Удачи тебе!

Зазвонил телефон, и Зацепин махнул Асе рукой, чтобы та его оставила.

– Да, Геннадий Петрович… Хорошо, буду немедленно, – услышала она, закрывая за собой дверь.

«Ну, теперь держись, Следопыт! Крокодил Гена порвет тебя, как Тузик тряпку. А мною займутся Тузики из… Нет, это уже не Тузики. Как минимум служебные собаки. Караул!»

Ася забрала ключ и направилась в теперь уже свой кабинет под номером тринадцать. Ей не особо нравилась эта цифра, а также то, что она оказалась тринадцатой девушкой в редакции. Выходит, что до нее тринадцатой была Мария Ивановна? Значит, той и в самом деле повезло, что она дожила до пенсии.

А вот кабинет под сакральным номером с табличкой «Отдел происшествий» Асе понравился. Два больших стола: на одном компьютер, на другом – куча газет, похоже, давно не разбираемых. Шкаф для одежды, большое окно со светлыми жалюзи, выходящее в тихий двор.

Вполне приличное место для работы. Если другие журналисты расположились в одной огромной комнате с семью столами и компьютерами, то у Аси отдельный кабинет. Значит, никто не будет мешать, отвлекать, можно спокойно высасывать из пальца всевозможные захватывающие истории и радовать читателей.

Ася села в удобное кресло и положила перед собой папку. Но прежде чем заглянуть в нее, открыла боковые дверцы стола, выдвинула ящики: ничего, кроме нераспечатанной пачки бумаги. Зато есть компьютер, перекидной календарь и пара шариковых ручек. Вынула

несколько листов и расположила их на папке, создавая рабочую обстановку. Проверила, пишут ли ручки, и задумалась.

Как жаль, что нельзя начать жить вот с такого чистого листа… Хотя почему нельзя? Можно. Только вместе с горем придется забыть и радости, и счастливые воспоминания об отце, ведь радость и горе – теперь она хорошо это понимала – идут рука об руку. Нет, Ася не предаст прошлое, она научится жить с болью в сердце.

Ее дальнейшая жизнь теперь похожа на эти чистые листы бумаги – неизвестно, что будет на них запечатлено, – зато под ними находится целая папка с деяниями праведников и преступников, которые после ее вмешательства могут поменяться местами, и окажется, что друзья-то мнимые и только притворяются преданными, а под масками врагов скрываются… враги.

Может, хватит уже морочить себе голову метафорами? Как ни придумывай, а самой лучшей романисткой все равно оказывается жизнь. Или все-таки журналисткой? Нет, журналистом. Задает такие неразрешимые задачи, ставя перед трагедией свершившегося факта, что душа замирает от горя. А еще заставляет подводить черту, делать выводы и окончательный выбор: идти дальше или смириться.

Ася открыла папку и мельком пробежала глазами уже знакомую статью, выхватывая отдельные абзацы и предложения:

«И снова в стране «тяжелейший кризис, пик которого еще не пройден», как грозится кое-кто из народных избранников… Запасы денежной наличности у населения тают на глазах, так как рубль обесценивается… Странно как-то: у обычных граждан денег почти всегда не хватает, но стоит прийти в банк за кредитом, деньги тут же находятся. Так и хочется спросить: «Откуда дровишки-то?»… В ходе журналистского расследования мое внимание привлек коммерческий банк «Солли», который успешно бороздит океан банковского рынка уже седьмой год и очень популярен у вкладчиков благодаря заманчивым процентным ставкам. Казалось бы, никакие шторма и тайфуны ему не страшны. Тогда почему руководство в лице управляющего Л. В. Берлицкого усиленно и в срочном порядке выводит активы банка из оборота? Да так ловко, что этого не замечают ни вкладчики, которых грабят самым бессовестным образом, ни вышестоящие инстанции… Объем выданных коммерческим банком «Солли» кредитов на момент расследования в несколько раз превышает сформированный кредитный портфель. Более того, свыше 70 % всех денежных средств выдано заемщикам, которые возвращать кредиты даже не собираются. Почему? Да потому, что они являются фиктивными фирмами, не осуществляющими никакой деятельности, или физическими лицами, не имеющими понятия о том, что на них оформлены кредиты. Это одна из главных схем увода банковских активов… Полтора года назад, с приходом в банк Л. В. Берлицкого, был создан также специальный отдел по работе с ВИП-клиентами. Причем официально его не существует. Но это не мешает сотруднику, особо приближенному к управляющему, совершать в целях хищения денежных средств расходные операции с вкладных счетов клиентов без их ведома… Рано или поздно эта жульническая пирамида должна рухнуть. И причиной ее обрушения может стать данное журналистское расследование… Интересно, а собственнику банка, Э. А. Сольникову, который постоянно проживает за границей, известно об этих махинациях или они проворачиваются за его спиной?.. Не следует ли соответствующим органам заняться пресловутым коммерческим банком «Солли», пока руководство в лице управляющего Л. В. Берлицкого не собрало чемоданы и не скрылось за границей, куда уже переведена основная часть заемных денег кредитного учреждения? Вопрос, конечно, риторический, но задать его газета все же решилась. Всегда с вами, Антон Правдин».

Ася свернула газету и положила ее в папку. Впечатление было двоякое: с одной стороны, возникло восхищение журналистом, с другой – ощущалась какая-то недоговоренность. Хотя что она понимает в журналистике? Пока судит как читатель, которому не все ясно в статье.

А может, Ася слишком привередлива для читателя? Или ее обуяла зависть и сомнения: получится ли у нее самой так написать?

И все-таки здесь что-то не то и не так. Если статью пропустили, то и Антон Правдин не должен был пострадать. А если его ушли – и это в лучшем случае, – значит, статья неполная, и Зацепин или даже сам Крокодил Гена ее основательно поправили. Следопыт же признался, что ополовинил статью. Нет, никак не может быть, чтобы Антон Правдин пострадал из-за какой-то там статьи. Да и пострадал ли? Не слишком ли разыгралось Асино воображение?

В кабинет заглянул пожилой водитель Сергей Николаевич, махнул рукой и тут же скрылся. Ася спрятала документы в сейф и последовала за ним. Ей казалось, что страх сковал не только тело, но и мысли. Как она теперь будет общаться с ужасно злобным следователем, который заранее видит в ней досадное препятствие? Наверняка он раздавит Асю своим сапожищем как козявку и даже не заметит этого.

И тут же ей вспомнилась детская песенка про бедненького зелененького кузнечика, который сидел себе в траве и не трогал даже козявку, но пришедшая лягушка бедолагу все же съела. Ну и что? Козявку-то она не тронула. Может, потому что проглотила ее еще до кузнечика? Караул, спасайся кто может!

Ася почувствовала, как ей очень захотелось домой, к мамочке, от которой еще утром она сбежала.

Глава 5

Сергей Николаевич довез Асю до загородного дома Берлицкого в ближайшем пригороде столицы. Ничего особенного, дом как дом: два этажа, высокий кирпичный забор, автоматически открывающиеся ворота. Их особняк в Барвихе выглядит даже солиднее. Правда, у них охранника возле ворот нет, так как дом на сигнализации.

Странно, что у такого большого человека, как управляющий банком, столь скромное жилище. Или это маскировка от излишне любопытных? Наверное, за границей у него настолько роскошные апартаменты, что под стать только царствующей особе.

Асю встретил охранник с непроницаемым лицом. Проверив документы, смерил девушку злобным взглядом. Она чувствовала, что этот верзила с трудом сдерживает желание высказать все, что думает об Асе и газете, представителем которой она является. Но самая главная встреча еще впереди, поэтому Ася пропустит мимо ушей невысказанные ругательства охранника и – хочешь не хочешь – приготовится отвечать за последствия всех прежних разгромных публикаций теперь уже ее газеты.

Охранник позвонил по телефону, доложил кому-то, что журналист Фомушкина ожидает у ворот. Минут через пять из дома вышел полицейский и по каменистой дорожке между аккуратных клумб с цветами направился навстречу Асе. Выражение лица его не предвещало ничего хорошего, поэтому девушка и вовсе пала духом. Но делать нечего, придется хотя бы притвориться, что она бесстрашна и напориста, уверена в своей правоте и должна непременно выполнить порученное ей задание.

Ася высоко задрала голову и гордо последовала за полицейским. Возле дома расположились машина «Скорой помощи» и несколько полицейских. Ася с сопровождающим прошли через парадный вход, и полицейский подвел девушку к носилкам посередине холла, где лежало тело, укрытое простыней с пятнами крови в области головы. Ася почувствовала, как закружилась голова, а к горлу подступила тошнота.

Рядом стояли санитары, готовые к выносу тела, ждали соответствующей команды. От группы в штатском отделились двое и подошли к Асе. Один из них был высок и худощав, с цепким колючим взглядом серых, холодных, как льдинки, глаз. Другой – коренастый и с усмешкой на полноватых губах.

– Не стая воронов слеталась? – спросил второй.

Асе он приглянулся больше, так как в нем угадывался человек, не лишенный чувства юмора, поэтому она обратилась именно к нему, протягивая удостоверение:

– Я Фомушника Арсения Антоновна, журналист газеты «Следопыт». У меня задание написать заметку о случившемся с Берлицким. Мне нужен Ростоцкий Борис Иванович.

– Пришли, значит, полюбопытствовать на плоды своей бурной деятельности? – не торопился представиться второй, разглядывая удостоверение и поглядывая то на коллегу, то на Асю. – Ну вы, ребятки, и кровожадные! Что ж, смотрите, если уж так не терпится.

И он неожиданно для Аси рывком сбросил простыню, открыв окоченевшее полуголое тело с гримасой ужаса на синюшном лице и запекшейся струйкой крови вокруг пулевого отверстия у виска.

Ася, возможно, и пересилила бы эту неприглядную картину, но ее чуткое обоняние подверглось такому небывалому испытанию в виде отвратительного запаха, что она не выдержала и, закатив глаза, повалилась в обморок. И если бы рядом стоящие мужчины не успели ее подхватить, тоже оказалась бы на носилках, прямо на трупе.

Асю перенесли на диван в зал и оставили с врачом. Пока ошеломленное сознание девушки приходило в себя от пережитого потрясения, санитары вынесли тело Берлицкого из дома. Сначала хотели и нуждающуюся в медицинской помощи Асю отправить на «Скорой»,

но врач отказался от дополнительной нагрузки, уверяя полицейских, что у него и без того хлопот полно. А потому лучше девушке остаться какое-то время в доме, так как она уже почти в сознании и даже открывает глаза.

– Она к тебе приехала, – заявил первому полицейскому второй, старательно пряча улыбку. – Вот сам и разбирайся с этой кисейной барышней. Только смотри, как бы она тебя не расписала в своей будущей статейке. На вид слабенькая, а язычок, наверное, что жало у змеи. Давай, пока! Я завтра приеду с протоколом вскрытия… А она ничего. Если, конечно, лишнего не начнет болтать. Вообще-то они все сначала похожи на ангелов. Моя, пока были только знакомы, такую скромницу из себя разыгрывала, что меня даже беспокоила ее излишняя молчаливость. Сейчас вспоминаю об этих временах как о рае, который я не ценил.

Ася потихоньку оправлялась от обморока, осознавая, где находится, и ей было ужасно стыдно. Первое задание – и такой конфуз. Она открыла глаза и встретилась взглядом с не понравившимся ей первым полицейским. Видимо, он и есть тот самый Ростоцкий Борис Иванович, с которым она собиралась встретиться. Даже в этом ей не повезло, потому что выглядит он бирюк бирюком.

Она было поднялась, но, чувствуя головокружение, осталась сидеть на диване. Ростоцкий устроился рядом, глядя в пол. Он, видимо, еще надеялся, что благополучно избавится от Аси.

– Может, вас отвезти домой? Вы неважно выглядите.

– Извините. Просто я не привыкла к трупам.

– А зачем вам привыкать? От вас этого никто не требует.

– Вы Борис Иванович?

– Вынужден это признать.

– А я Ася. Я, конечно, понимаю, что вам сейчас не до меня, но…

– Дело в том, что у меня очень мало времени. Нужно работать. Поэтому давайте сразу приступим к делу. Мне приказано информировать вас о происшествии.

– А я, по-вашему, что делаю – отрываю вас от работы, что ли?

Ася понимала, что делает что-то не то, но остановиться уже не могла. Нет, что он о себе воображает?!

– Законом о средствах массовой информации, между прочим, журналист назван лицом, выполняющим общественный долг. Поэтому я попрошу вас уважительно относиться к нашей деятельности. У прессы появился реальный шанс стать настоящей «четвертой властью», поэтому журналистика – один из мощнейших инструментов социального контроля над деятельностью…

– Извините, – перебил Ростоцкий, – я сегодня спал всего пару часов, а у меня еще работы – до ночи не управиться. Поэтому весь этот бред я выслушивать не намерен. Если у вас есть ко мне какие-то вопросы – задавайте. Или я еду в Управление.

– А какие вопросы? – совсем растерялась Ася, готовая в любую минуту расплакаться. Этот непробиваемый и надутый, как индюк, полицейский просто смеется над ней! – Впрочем, я вас не держу. Обойдусь и без вашей помощи. – Она стиснула зубы, дав себе слово, что больше не проронит ни слова.

– Ну и что вы на меня надулись, словно мышь на гречку? – Ростоцкий удивленно уставился на Асю. Да какой из нее журналист, если она вот-вот расплачется?! – Это я должен на вас обижаться. Если бы вы не встряли со своим журналистским расследованием, и Берлицкий бы остался жив, и всех расхитителей банка мы бы уже вычислили. А теперь нам приходится расследовать убийство.

– Я не понимаю… Мне сказали, что это самоубийство.

– Это только предположительная версия. Ваша статья вышла вчера, то есть в четверг. А он умер от выстрела в висок еще в среду. Вот и выходит, что если Берлицкий покончил с собой,

то ему кто-то поведал о разгромной статье и безвыходной ситуации, в которую тот попал. Или же его убили, инсценировав самоубийство.

– Но вы же можете теперь все выяснить, раз мы вам передали доказательные материалы.

– Липу вы нам передали, и больше ничего. А также спугнули основных фигурантов преступной деятельности, настоящих расхитителей. Вы, например, знаете, что в банке были готовы к нашему приходу? И уничтожили всю имеющуюся документацию. Поэтому теперь мало что можно доказать. А ваша статья, кроме шумихи, никому никакой пользы не принесла. Только человека замарали. Доказать уже почти ничего не возможно. Теперь на него можно свалить что угодно, защититься-то он не может. Да и защитников у него, как я успел понять, совсем нет. Мы, конечно, со своей стороны будем предпринимать соответствующие меры, но работу нам ваша газета очень усложнила.

– Извините. Наши, наверное, даже не подозревали, что могут помешать. Наоборот, хотели помочь.

– Вы в этом уверены? Я, например, не очень верю в благие намерения прессы.

– Зря вы так… Я хотела сказать, что, если понадобится моя помощь, то готова со своей стороны…

– Нет уж, вы свое черное дело уже сделали. И будет лучше, если теперь под ногами путаться не станете. Да, кстати, я тут немного лишнего наговорил, поэтому забудьте и не вздумайте с кем пооткровенничать о нашем разговоре. Если и в самом деле хотите помочь.

– Я не понимаю, о чем вы. Но помочь очень хочу. И прошу прощения за моих товарищей.

– Товарищей? Вы работаете в редакции второй день и уже завели товарищей? Завидная коммуникабельность. Или у вас там кто-то из хороших знакомых, которых вы уже давно знаете? А может, даже родственник имеется?

– Нет, конечно! И друзей у меня на работе пока нет. Просто к слову пришлось.

– Где ваш блокнот? Открывайте и записывайте дословно. Ни строчкой больше, ни строчкой меньше в интервью быть не должно. Это понятно?

– Да-да, конечно.

Ася принялась писать под диктовку. Выходило совсем немного, но Зацепин и говорил, что нужно всего-то несколько строк. Главное теперь – свежесть информации, ее первая подача. Не это ли называется эксклюзивом?

– Я вам даю только то, что вы можете сообщить общественности. Остальное – тайна следствия, которую разглашать равносильно преступлению.

– Но вы же мне рассказали больше, чем следовало.

– Это вам только показалось. А если и сказал, то осознанно. Чтобы вы поняли, что дело очень серьезное и если вы встрянете еще хоть раз, снова могут погибнуть невинные люди.

– Значит, вы считаете, что Берлицкий ни в чем не виноват и его подставили?

– С чего вы взяли? Я этого не говорил. Надеюсь, у вас хватит благоразумия не гоняться за дешевой сенсацией? Если нарушите наш уговор, никакой информации от меня больше не получите. И никакое высокое начальство не заставит меня говорить с вами об этом непростом деле.

– Спасибо за доверие. У меня к вам просьба. Я этим журналистским расследованием не занималась. Но если мне что-то станет известно по данному вопросу, мы сможем встретиться и поговорить? Может, моя информация окажется вам полезной.

– Мне лучше поговорить с Антоном Правдиным.

– Вряд ли это возможно.

– У нас возможно все. А если он не захочет встретиться по-хорошему, я и повесткой его могу вызвать.

– Вы все равно узнаете… Поэтому я скажу сама: Антон Правдин – псевдоним. И никто в редакции не знает, кто из журналистов работает под этим именем.

– Но редактор газеты должен знать?

– Должен. Однако знает или нет – мне неизвестно. Лучше спросить у него. А можно, я буду вам звонить и узнавать, как движется расследование? Если что-то станет известно мне, тоже вам сообщу.

– Хорошо. Вот мои телефоны. – Ростоцкий передал Асе визитку. – Хотя вам лучше держаться подальше от этого дела. Неизвестно еще, какие пласты ила и грязи поднимутся на поверхность, если разворошить эту банковскую трясину. А я этим непременно займусь.

Вернувшись в редакцию, Ася набрала на компьютере текст:

«СКР столицы возбуждено уголовное дело по факту смерти управляющего коммерческим банком «Солли» Леонида Витальевича Берлицкого. 42-летний руководитель банка с огнестрельным ранением головы обнаружен в 9:15 21 августа в своем загородном доме. Как уточнили в СКР, тело обнаружил охранник дома. Л. В. Берлицкий находился в доме один. Рядом с погибшим найден пистолет. Предсмертная записка не обнаружена. Тем не менее следствие по-прежнему называет основной версией происшедшего самоубийство. Корреспондент газеты «Следопыт» Арсения Фомушкина».

Пару раз перечитав, отправила «на пробу пера» Зацепину. Подождав немного, пошла к нему, чтобы получить оценку своего творчества. Какой бы та ни оказалась, Ася ни за что не признается, что писала заметку под диктовку Ростоцкого.

– Молодец, быстро управилась. С почином тебя, крестница. Мне даже исправлять ничего не пришлось. Все предельно ясно для первой информации. А дальше смерть Берлицкого свяжут с его профессиональными обязанностями. Обыск в банке уже проводится, документы изымаются.

Ася открыла было рот, чтобы сказать о бесполезности обыска, но вовремя прикусила язык. Ни за что она не выдаст Ростоцкого, ведь тот ей доверился, а это дорогого стоит.

– А те документы, что мы им передали, помогут определить виновных?

– Мы нашли главного расхитителя. Остальные всего лишь пешки, потому не столь важны. Правда, это уже следственным органам решать. Наша задача выполнена.

– Раззвонили всему свету о виновности Берлицкого и теперь можем спать спокойно?

– Оса, что за странное настроение? Ты, видимо, так устала от встречи с правоохранительными органами, что тебе следует отдохнуть. Да, с ними нелегко общаться. За каждым словом следишь, чтобы чего лишнего не ляпнуть. Да и они с нами осторожничают. С большой неохотой делятся информацией. При этом самую главную никогда не раскрывают. Отправляйся-ка ты домой. Тебя подвезти?

– Спасибо, я на метро.

Ася отправилась в свой кабинет и закрылась на ключ. Она действительно устала, и ей очень хотелось побыть одной. Можно, конечно, и домой поехать. Но видеть глаза матери, словно молящие о чем-то, сейчас будет просто невыносимо. Асе лучше здесь посидеть, в тишине.

Она достала из сейфа папку и принялась перебирать документы. Это действительно оригиналы. Странно, что органы довольствовались копиями. Почему Ростоцкий сказал, что документы липовые? И печати, и подписи живые. Ася даже лупу достала, чтобы в этом удостовериться. Все, что можно было выжать из них, уже выжато. И ей достался лишь жмых, хоть и в оригинале. Она спрятала папку в сейф.

Следует признать, что с профессиональным заданием она с грехом пополам, но справилась. Теперь пора занять голову главной проблемой – поисками убийцы отца. Но она даже не знает, с какого боку начинать. Да какая разница? Можно даже с середины. Или с конца.

Это случилось два месяца назад. В пятницу вечером отец снова попытался вывезти их с матерью в загородный дом, на природу, к соснам. И погода стояла для начала московского лета

просто сказочной. На субботу, то есть на двадцатое июня, синоптики обещали плюс двадцать пять, на воскресенье – не менее комфортную погоду.

– Свежим воздухом подышим, на солнышке погреемся, позагораем, в бассейне искупаемся, – соблазнял он изо всех сил двух клуш-домоседок. – Лето быстро пролетит, даже не заметим. Да и погода этим летом еще неизвестно, какая будет. Поэтому надо пользоваться каждым погожим деньком.

И ведь как в воду глядел: лета и в самом деле в этом году никто не видел – ни тепла, ни солнца.

– У меня завтра маникюр, – объявила матушка таким непререкаемым тоном, словно собиралась на великосветский прием к самой королеве.

Как будто нельзя записаться на будний день. Все равно ведь не работает. А чем в это время занималась сама Ася? Мысленно готовилась к предстоящему отпуску и активно рыскала по туристическим сайтам с целью отыскать наиболее привлекательное место для отдыха.

Ну почему она не поехала с отцом?! Тогда бы он точно остался жив. Сколько раз Ася прокручивала в сознании другой сценарий развития событий, в котором они с матерью принимали предложение отца, и им было весело и хорошо вместе. А они не поехали и не спасли отца от смерти… Неужели Ася себе этого никогда не простит? Может, потому и собралась разыскать убийцу, чтобы с себя свалить непосильную ношу вины?

Отец понял, что уговоры бесполезны, и отступился. Ася сейчас многое бы отдала, чтобы повернуть время вспять и согласиться поехать с ним. Матушка, наверное, тоже жалеет, что настояла на своем… Зато на похоронах была со свежим маникюром. Неужели этим злобным упреком Ася пытается переложить часть своей вины на нее?

На следующее утро отец уехал в загородный дом один. Судя по чудесному дню, лето обещало быть настоящим, а потому Ася считала, что еще успеет насладиться теплом и солнцем вдоволь, и провела выходные за компьютером, мечтая о дальних странах, поездка в которые подарит ей яркие впечатления.

Мать то и дело уходила куда-то, затем возвращалась и снова уходила, и Ася видела ее только во время попыток накормить голодное чадо, которое «совсем не бережет ни глаза, ни нервы, ни желудок». Об отце вспомнили лишь в воскресенье к вечеру.

– Асенька, – вошла в комнату встревоженная матушка. – Попробуй дозвониться до отца. У меня не получается.

Полчаса Ася набирала номер отцовского сотового, который почему-то настырно показывал «занято». Странно. Так долго по телефону могла говорить только Ася, когда зависала в пространстве с подругами. Час могла проговорить матушка, обзванивая родственников. Но отец в телефонных говорунах не числился.

– Следопыт, отец на связь не выходит, – позвонила Ася Зацепину. – Мы с мамой уже извелись от переживаний. Телефон постоянно выдает «занято».

– Да, не похоже на Антона. Что ж, придется ехать к нему.

– Меня с собой возьмешь? Иначе я дома от дурных мыслей сойду с ума.

– Хорошо. Буду через полчаса.

Ася переоделась и вышла во двор. Почти девять вечера, а солнце еще припекает. Неужели все лето будет таким роскошным? Подъехал Зацепин на стареньком джипе, и Ася забралась в машину.

– Пробовала еще раз звонить?

– Занято.

И больше ни слова. Молчали всю дорогу. Когда подъехали к дому, солнце уже зашло, но было относительно светло, поэтому то, что в доме не горел свет, странным не показалось. Ася отперла калитку своим ключом, и они направились к дому. Открывать входную дверь не пришлось, так как она оказалась незапертой.

Ася побледнела и пропустила Зацепина вперед, сама немного постояла, прислонившись к косяку и успокаивая заколотившееся сердце. Войдя в дом, присоединилась к крестному, молча обходящему по очереди все комнаты. Они как будто договорились не подавать голоса, видимо, ужасно боялись не услышать ответа на свой зов.

Просторная кухня-столовая, гостиная с камином, кабинет, гостевая спальня – пусто. Поднялись на второй этаж. Тишина в доме такая, что стрекот сверчков кажется просто оглушающим. У Аси в голове мечется, как птица в клетке, лишь одна мысль: «Только бы он был жив, только бы с ним ничего не случилось!»

В одной из комнат они увидели распростертое на полу тело отца. Рядом лежал отключенный телефон. Ася подбежала к отцу:

– Папочка, что с тобой?

И встала как вкопанная, словно перед ней вмиг выросла стена: из груди отца со стороны сердца торчала рукоятка ножа. Нет, это окаменевшее тело с серым лицом и закрытыми глазами, лежащее в луже крови, никак не может быть телом ее отца! Зацепин склонился, пытаясь нащупать на шее пульс.

– Он мертв. И уже давно. Даже тело успело остыть. Нужно вызвать полицию.

Ася потеряла счет времени. То единственное желание, которое придавало смысл их действиям, так и не сбылось, а новых мыслей не возникало. Потому что уже ничто не имело значения.

Зацепин усадил безвольную и онемевшую от шока Асю в кресло. Сначала позвонил в полицию, затем Маргарите. Спустился в гостиную, разыскал аптечку, щедро накапал в стакан успокаивающего средства и снова поднялся наверх.

Казалось, Ася после его ухода даже не шелохнулась. Он заставил ее выпить лекарство. И только после того, как средство начало действовать, Ася, словно пробудившись от спячки, пришла в себя. Слезы хлынули градом, Ася бросилась к отцу:

– Папочка, нет! Папочка, только не ты! Ну почему, папочка? Почему? За что?!

Зацепин бережно поднял Асю с колен и отвел от тела, усадил снова в кресло, сам сел на подлокотник, обняв крестницу за плечи, и только гладил ее по голове, не находя слов для утешений, от которых не было никакого проку.

Прибыли полиция и «Скорая». Дом наполнился чужими людьми, но Ася даже не шелохнулась, снова застыв в немом горе и не замечая происходящего. Она уже не плакала и только смотрела перед собой в пустоту, окаменев от безысходности. Приехавшая на такси мать забрала Асю в другую комнату. Уложила на кровать, сама села рядом и расплакалась. У Аси не было ни сил, ни желания ее утешать. Тогда она впервые почувствовала, что отдаляется от матери. Не потому ли, что не могла простить ей равнодушия к отцу?

А если Ася ошибалась и никакого равнодушия не было и в помине? Тогда почему мать в последнее время только и делала, что постоянно выдумывала какие-то причины, чтобы только не проводить с ним свободное время? Чем она занималась в будни, если оставляла на выходные отца самые важные для себя дела?

Ася не могла не заметить, как отец потихоньку уходил в себя, а предложений провести совместно с женой и дочерью свободное время становилось все меньше. Или Асе это только казалось?

Отнюдь! Сейчас, по прошествии двух месяцев после смерти отца, Ася ясно видит и осознает, что интуитивные ощущения не обманывали ее. Что происходило тогда между родителями – постепенный раскол, охлаждение, взаимная усталость? Или это только матушка пыталась отдалиться от отца?

Ася, наверное, сошла с ума, если пытается в случившемся обвинить ее. Надо искать истинного виновника трагедии. Если бы тот не вмешался в их жизнь, все можно было попра-

вить, сгладить шероховатости в отношениях. Наконец, просто понять и простить. А теперь слишком поздно и, скорее всего, никому больше не нужно, кроме Аси.

Как хорошо, что Следопыт взял Асю к себе. Теперь у нее появились знакомые в нужных органах. Она же может обратиться за помощью к Ростоцкому? Или не может? И с какой стати он будет ей помогать? Значит, сначала Ася должна стать полезной ему. Каким образом?

Она снова достала из сейфа папку. Именно в ней придется найти то, что другие не заметили. Или утаили осознанно. Но у Ростоцкого тоже есть эти документы, и он наверняка уже отдал их специалистам. Ася усмехнулась: а разве она сама не профи с двумя высшими образованиями? «Мы еще поглядим, кто чего стоит», – самонадеянно подумала Ася и углубилась в изучение содержимого папки.

Глава 6

Не стоит торопиться упрекать себя в том, что так и не углядела в документах той самой ниточки, потянув за которую, можно размотать клубок преступления. Разумеется, Зацепин зачем-то скрыл и от правоохранительных органов, и от Аси главную информацию, которую она непременно должна заполучить. И информация эта находится только у одного человека – у Антона Правдина. Разве он жив? А разве была причина его убивать? Вот это Ася и должна выяснить.

Итак, из редакции уволились двое: Мария Ивановна отправилась на заслуженную пенсию, Стас перешел на другую работу или еще занимается ее поисками. Марию Ивановну, разумеется, отметаем сразу, так как она из-за возраста просто не может быть Антоном Правдиным. Хотя старушки бывают очень шустрые и ужасно любопытные. Всюду пролезут, везде любопытные носы сунут, лишь бы что-то интересненькое про кого-нибудь вынюхать.

Но их можно понять, ведь жить им на пенсии скучно. Взять хотя бы Асину соседку по площадке, которая постоянно следит за другими жильцами через дверной глазок, а также сидит, словно клуша на яйцах, возле подъезда на скамье, контролируя любое передвижение соседей. Уж она-то в курсе всех дел и проблем жильцов их дома.

Асю даже передернуло от мысли, что и ей теперь придется уподобиться любопытствующей старушке, чтобы умудриться бежать впереди паровоза, то есть правоохранительных органов, возглавляя расследование убийства отца.

Однако у нее перед ветхими старушками имелись явные преимущества – Ася молодая и здоровая, значит, может позволить себе подобного рода выкрутасы. Поэтому отметаем всех старушек, и Марию Ивановну в том числе. Остается Стас. Но как его разыскать? Ася решила идти по самому легкому пути. Спрятав папку в сейф, отправилась к Ульяне в корректорскую.

– Привет, Асенька! Тебя можно поздравить с первым творением? Скромненько, но самое главное изложено. Кто бы мог подумать, что Берлицкий отважится с собой покончить. Неужели в этом и наша вина? Ах, если бы можно было писать только о хорошем!

– Тебе помочь?

– Не откажусь. Посмотри вот эту статью. Как, на твой взгляд, только не журналиста, а читателя? Стоит ли здесь исправлять? Все вроде бы верно, но читатель может судить двояко. – И они принялись корректировать текст. – Да, так, пожалуй, лучше. Хорошо, что зашла. А то я с ней уже битый час бьюсь: ни автора на месте нет, ни редактора. Не стоит читателям зря головы морочить: чем проще – тем лучше… Кофейку с печенюшками?

– Нет, лучше чайку с пряниками. Я специально для тебя купила. – Ася вытащила из сумки пакеты. – И чем скорее, тем лучше. Потому что я сегодня без обеда.

– Вот и зря. Дела делами, а о себе, любимой, надо думать в первую очередь. Кому ты нужна будешь со своей язвой? Правильно, никому: ни работодателю, ни мужу.

Ульяна заварила чай, достала из тумбы стола чашки, разложила на тарелке пряники.

– А ты замужем? – спросила Ася.

– Да, но пока только за работой. Недавно прошла этап неудачных семейных отношений, пережила расставание с человеком, к которому успела привыкнуть. Тяжко, но ничего не поделаешь. «Ты лучше голодай, чем что попало есть. И лучше будь одна, чем вместе с кем попало». Так, кажется?

– Почти.

– Вот именно что «почти». Теперь в моей жизни только так. Почти счастлива. Почти довольна. Почти хватает на жизнь.

– Ты думаешь, что только у тебя так? По-моему, все так живут. Почти жива, почти…

– Что-то ты, подруга, совсем сдала. Домой иди, ночь уже почти… Ну надо же, как это слово-то прилепилось.

– Ты же на работе.

– Я завтра утром отосплюсь. И только к обеду заявлюсь, когда материал будет готов. А тебе следует с утра здесь быть, без опозданий.

– Тогда я пошла спать. Да, кстати, ты не знаешь, как мне найти уволившегося журналиста?

– Ключевского Стаса, что ли? Зачем он тебе?

– Мне тут об одной вакансии стало известно, хочу ему рассказать. Все же опасение, что меня на его место взяли, не дает покоя.

– Зря. Тебя взяли вместо Марии Ивановны, когда она ушла на пенсию.

– После чего ее должность тут же сократили.

– Правда? Я и не знала. А как же табличка на двери?

– Забыли снять. Мне так сказали, – врала Ася без зазрения совести. – За что купила, за то продаю.

– Понимаю. – Ульяна заглянула в сотовый. – Тебе повезло. Я его номер еще не удалила. Записывай.

– А телефон Марии Ивановны у тебя тоже есть? Она оставила в кабинете кое-какие вещи, надо бы ей передать.

– Есть. – Ульяна продиктовала. – Кстати, Мария Ивановна здесь неподалеку живет. Она меня пару раз на чай приглашала. Хорошая тетка, гостеприимная. И варенье у нее из черной смородины очень вкусное, со своей дачи. Адрес на всякий случай тоже запиши. Может, мимо придется идти, так сама и занесешь вещи. Нечего бабульку зря гонять. И привет от меня непременно передай. Скажи, что без нее скучаем.

Теперь домой, спать, а завтра с новыми силами Ася примется за расследование. А как же работа? Работой она теперь будет заниматься параллельно.

Мать встретила ее упреками:

– Асенька, девочка, ну нельзя же так! Можно же было хоть раз за день позвонить? И сама не звонишь, и трубку не берешь.

– А разве я раньше тебе с работы звонила?

– Конечно, звонила.

– Извини, буду и впредь позванивать. Может, все-таки накормишь?

– Еда на столе. Уже который раз подогреваю. Как ты не понимаешь, я же волнуюсь за тебя.

– А ты не волнуйся. Со мной все в порядке.

Ася смотрела на великолепно выглядящую матушку, и в ее душу закрадывались сомнения: а в самом ли деле она так переживает за дочь, как хочет показать?

Кажется, Ася осталась в одиночестве со своей тоской по отцу. А нужна ли она ему – чья-то тоска? Он, наверное, оттуда, сверху, уже по-иному смотрит на их земную жизнь.

После ужина Ася приняла душ и наконец добралась до вожделенной кровати, о которой мечтала последние три часа. Уля права: сама себя не пожалеешь – никто не пожалеет. Даже матушка?

На следующее утро Ася встала пораньше, чтобы не встретиться с матерью и уйти до того, как та проснется. Это Ася была ранней птичкой, а матушка совой, для которой ложиться поздно – норма, а вставать рано – подвиг. Но та уже была на кухне, а завтрак на столе. Хочешь не хочешь, а общаться придется. Хорошо, что утром все кажется не таким мрачным, как с вечера.

– Ты сегодня так же будешь работать, допоздна? Мне это не нравится. Неужели Игорь не может дать тебе работу полегче?

– Я же не дрова рублю.

– Иногда бывает лучше дрова рубить, чем по ночам шастать неизвестно где. Я сегодня же ему позвоню.

– Не надо никому звонить. Вчера Следопыт отпустил меня рано. Просто я зашла с Верой и Катюхой в кафе.

– Не ври! Они вечером звонили и сказали, что ты уже третий месяц отказываешься от встреч. Трубку надо брать, когда тебе звонят.

– А если я на задании? Нечего мне названивать во время работы. Сама позвоню, если что.

– Не нужны мне твои «если что». А если мне станет плохо?

– Хорошо-хорошо! Я же сказала: сама буду звонить.

– И брать трубку, когда буду звонить я.

– Буду брать.

Ася выскочила из дома, словно за ней гнались с собаками. Нет, ну вот как такое может быть, что в огромной и почти пустой квартире в сто с лишним квадратных метров ей, Асе, нет никакого покоя? Опять это пресловутое «почти». Почему оно всегда и всем портит жизнь?

Она спустилась в метро и попала в свою стихию: многолюдье, давка, толкотня, стоическое терпение одних и еле скрываемое раздражение других. Только здесь Ася могла отдохнуть от мучивших ее мыслей. Только здесь была способна взглянуть на свою жизнь глазами других людей и понять, что бороться за свое место под солнцем приходится не только ей, но всем и каждому по отдельности. И если бы люди помогали друг другу, легче бы стало жить. Но каждый пытается разобраться со своими скелетами в шкафах в одиночку, поэтому получается так, как получается… Сама-то хоть поняла, что хотела сказать?

Летучки сегодня нет, так как Зацепина «вызвали на ковер», только пока неизвестно, на чей именно. Неужели он за каждую подобную статью получает по шапке? Ну и работу он себе выбрал. Да еще Асю втянул.

Но если уж совсем честно, то хоть и трудно приходится, ей определенно нравится в этом осином гнезде. Жизнь кипит, клокочет, все куда-то мчатся сломя голову и заставляют еще быстрее бегать других – например, органы и прочие структуры, мечтающие, чтобы их оставили в покое. И правильно делают. Даже незабвенный Максим Горький когда-то писал, что «никогда по-настоящему великие писатели не пели хвалебных песен явлениям социальной жизни. Хвалили ее только те, чьи книги уже забыты».

Так что вперед, господа писатели-журналисты! «Народ ждет от нас только правды, и ничего, кроме правды, мы ему не имеем права выдавать», – с гордостью думала Ася. СМИ как «четвертая власть» сама, конечно, законы не принимает, не исполняет и не судит тех, кто их нарушает. Но при этом на все про все имеет собственное мнение, свою точку зрения, влияя на общественное мнение, которое в ее руках превращается в действенную силу. Поэтому и пользоваться ею нужно со всей осторожностью, чтобы ненароком не наломать дров.

Подумать только – сколько экспрессии и пафоса! А сама-то Ася собирается действовать осторожно? Она – другое дело, у нее миссия по выявлению убийцы отца, поэтому ей не до осторожности. Ася набрала номер Стаса.

– Да, слушаю, – услышала она после множества настырных звонков заспанный голос и усмехнулась: жив-здоров, спит почти до обеда. Значит, у него не все так плохо, как Ася представляла. Вот и хорошо. Так проще.

– Здравствуйте! Это Ключевский Станислав?

– Владимирович. И что?

– Вас беспокоят из бухгалтерии редакции «Следопыт». Я ухожу в отпуск, а у вас тут осталась недополученная сумма по заработной плате. Вы не могли бы подойти?

– Ну мог бы.

– Тогда обратитесь в «Отдел происшествий» к Фомушкиной, я там для вас оставила и ведомость на подпись, и деньги. Паспорт не забудьте.

– А какая сумма?

Ася положила трубку. Лучше сумму не называть, потому что она и сама еще не решила, сколько сможет презентовать бывшему коллеге. Ася порылась в кошельке. Только две тысячные купюры и совсем не в валюте. Маловато будет. Ничего страшного, рядом с офисом банк, где она сможет получить нужную сумму. Вот только какую? По ходу будет видно.

Вытащив из сейфа папку, она углубилась в чтение документов. Нет, из этого скудного материала ничего стоящего больше не вытрясешь. Разве что черновики просмотреть. Интересно, почему их Зацепин не выбросил – может, просто не успел? Жаль, что они не рукописные, можно было бы почерки сличить. Тексты набраны на компьютере, распечатаны, и только после этого начинается правка: зачеркивания, вставки, какие-то стрелки и пометки фломастером. Видимо, не было возможности читать с монитора. Ну конечно, не станешь же всюду таскать с собой компьютер. Лучше уж тогда от руки писать.

Вот это как раз Антону Правдину и запрещалось. Хотя кое-где и мелькают отдельные слова, если только они не принадлежат редактору или хозяину газеты. Да и оригинала почерка Антона Правдина у нее нет, чтобы сличить эти записи и раскрыть тайну личности зашифрованного профессионала.

А что это у нас такое помеченное фломастером, затем заштрихованное ручкой? Похоже, какая-то фамилия. Ася взяла лупу и до рези в глазах пыталась разобрать скрытое от чужих глаз. Вот еще такая же помарка и еще. Если по капле собрать просачивающееся, то получается, что пытались скрыть фамилию какой-то М. М. Копцовой.

Как интересно! Ай да Оса! Ай да умничка! Вот тебе и ниточка, за которую следует подергать. Даже если она и ложная, проверить ее на прочность стоит. Ася набрала номер.

– Это банк «Солли»? Пригласите, пожалуйста, к телефону Копцову. Это из Следственного комитета беспокоят.

– Марианну Матвеевну? Одну минуточку, я вас сейчас с ней соединю.

Ася положила трубку. Ну что ж, Марианна Матвеевна, будем знакомы. Ася еще раз перечитала все черновики. Выходило, что если подставить вместо помарок фамилию Копцовой, то именно она являлась главным действующим лицом основных махинаций банка. А как же тогда Берлицкий? Неужели его и в самом деле подставили?!

Ростоцкий голову оторвет, если узнает, что Ася звонила в банк и от имени Следственного комитета спрашивала Копцову. Неужели Ася сейчас делает то, о чем ее строго-настрого предупреждал Ростоцкий, – мешает следствию? А вот с этим она категорически не согласна. Как же тогда Ася будет помогать следствию, если не станет совать нос туда, куда не следует?

Телефон зазвонил так неожиданно, что Ася вздрогнула. Неужели мама? Звонить-то, в общем, и некому. Здесь, на работе, проще зайти в кабинет, чем названивать.

– Это Фомушкина? Ключевский. Я возле проходной.

Вот и Стас прибыл. Только совсем не нужно, чтобы его увидели в редакции, тем более в компании с Асей. Она убрала в сейф документы и, закрыв кабинет, направилась к выходу. Пройдя через вертушку, замерла в нерешительности. Ей навстречу шагнул совершенно неухоженный и бомжеватый на вид мужчина лет тридцати пяти.

– Мне звонили из бухгалтерии насчет остатка заработной платы.

– Вы Ключевский Станислав Владимирович? Я вам сейчас все объясню. Давайте выйдем на улицу.

Они прошли в сквер и сели на скамью. Ася разглядывала предполагаемого Антона Правдина и отказывалась верить собственным глазам. Неужели это невообразимое нечто и есть та знаменитость, которая была совсем недавно способна вести сложнейшие журналистские рас-

следования, держать руку на читательском пульсе, выискивая злободневные темы и формируя общественное мнение?

А если его осознанно довели до профессиональной несостоятельности журналиста и вынудили расстаться с профессией? Это каким же образом, интересно? Неужели споили? Кажется, фантазии Аси уже выходят за самые крайние рамки разыгравшегося воображения.

– Я понимаю так, что с деньгами меня развели?

– Неправильно понимаете. Просто бухгалтер уже ушла, а ведомость и деньги мне оставить забыла. Может, вы завтра подъедете?

– А завтра выяснится, что в воскресенье бухгалтерия не работает, и деньги мне начислили ошибочно? Кстати, сегодня она тоже не должна работать. Как же я сразу-то не сообразил!.. Слушайте, а не могли бы вы мне одолжить некоторую сумму? Я обязательно верну.

– Но я знаю сумму, которую вам должны были выдать, поэтому, если вы напишете мне расписку в том, что получили ее в бухгалтерии газеты, я завтра же смогу вернуть свои деньги.

– Согласен, – улыбнулся Стас, и лицо его словно осветилось и даже стало вполне симпатичным. – Это безденежье меня совсем доконало. У всех, у кого можно, уже позанимал. От банков и многочисленных сомнительных контор, которых развелось, как блох на собаке, шарахаюсь как от чумы. Один приятель так вот связался с банком и попал в пожизненную долговую яму. И без того нормальную работу не мог найти, а теперь и вовсе его чураются, как прокаженного, когда узнают, что у него банковские долги. И как он будет выкручиваться? Даже не представляю. Поэтому я в рулетку с банками не играю. Мне в понедельник на собеседование идти, но не в таком же виде? Спасибо, что выручаете. А сколько мне положено?

– Девять тысяч, – выпалила Ася и тут же пожалела: не слишком ли она расщедрилась?

– Так много?! Откуда такая сумма? Это не ошибка? Я вроде все сполна получил.

– Не знаю. Наверное, за последнюю статью.

– Это за какую же? – Стас подозрительно уставился на Асю. – Последний раз я писал статьи полгода назад. А перед увольнением только короткие заметки, за которые, сами знаете, много не платят.

– Так вы отказываетесь от денег?

– Нет, конечно! Вот только странно все это… Вы же не просто так мне деньги даете? Наверное, хотите получить от меня какую-то информацию? Ну, не стесняйтесь. Мне в свое время тоже приходилось приплачивать своим информаторам. Правда, не в таких размерах, гораздо скромнее. А вот самому выступать в их роли не доводилось. Мне не положено никаких денег, да?

– Да. Буду с вами предельно откровенной. И расскажу, для чего мне понадобился этот подлог. Я работаю в редакции всего третий день. Но мне здесь очень многое непонятно. Например, вместо кого меня приняли. Мне совсем не безразлично, что я поневоле заняла чье-то место. Наверное, ваше? А вы, таким образом, остались без работы. И мне неприятно это осознавать.

– А если выяснится, что вы заняли не мое место, а информация, которой я владею, не стоит тех денег, что вы мне заплатили, вы потребуете их назад?

– Нет. Просто будем считать, что я вам помогла в трудный час… Может, когда-нибудь и вы мне чем-то сможете помочь.

– У меня, конечно, сейчас не такое состояние, чтобы играть в благородство, но давайте сначала я отвечу на ваши вопросы, а потом вы мне заплатите.

– А я ни о чем пока вас спрашивать не собираюсь. Когда захотите, сами позвоните, и тогда мы поговорим, хорошо? А теперь пишите расписку.

– Расписка-то зачем?

– Чтобы вы меня не принимали за какую-нибудь беспросветную дуру, которую можно так вот просто обвести вокруг пальца. Пусть у меня будет от вас хотя бы расписка.

– И если я окажусь совсем непригодным как информатор, вы подадите на меня в суд, чтобы взыскать свои девять тысяч?

– А разве нервотрепка хождений по судам стоит таких денег?

– Нет, конечно. Тогда я не понимаю, зачем вам расписка.

«Если не напишет, – загадала Ася, – то он и в самом деле Антон Правдин, а потому раскрываться с почерком не решится. А если напишет, то к Антону Правдину он не имеет никакого отношения, и деньги уйдут на ветер. Ну, Арсения Антоновна, не ожидала от тебя, что ты окажешься такой скрягой. И совсем нет. Это я так, к слову пришлось. На самом же деле я действительно помогаю коллеге, попавшему в экономическую передрягу. А если он пропьет эти деньги? Значит, я потеряю девять тысяч рублей. Зато утвержусь во мнении, что самый верный способ не быть ограбленной – помогать нуждающимся самой».

– Просто как память моего доброго деяния.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.